

Алексей Дьяков

ЗВУЧАЛА МУЗЫКА...

**повести и
рассказы**

Алексей Дьячков

Звучала музыка

<https://litres.ru/74267258>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алексей Валентинович Дьячков родился и вырос в поселке Ново-Синьково в Подмосковье. Писать начал поздно. Но сразу стал печататься в журнале «Москва». «Звучала музыка» - первая книга из уже нескольких напечатанных.

Герои его повествований разнохарактерны, сюжеты - разноплановы и разнообразны, что называется – «от грустного до смешного...»

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Звучала музыка

Глава

Алексей Дьячков
ЗВУЧАЛА МУЗЫКА
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

МОСКВА КНИГИЗДАТ
2021

УДК 82-32
ББК 84(2Рос=Рус)6
АЗ 11

Сборник повестей и рассказов.

Составитель М. В. Белов.

Оформление обложки А. К. Бецких.

Дьячков А.В.

АЗ 11 Звучала музыка. Повести и рассказы / Алексей Дьячков. Сост. М.В. Белов. – М.: КнигИздат, 2021. – 417 с.

ISBN 978-5-4492-0233-8

Алексей Валентинович Дьячков родился и вырос в поселке Ново-Синьково в Подмосковье. Писать начал поздно. Но сразу стал печататься в журнале «Москва». Герои его повествований разнохарактерны, сюжеты - разноплановы и разнообразны, что называется – «от грустного до смешного...»

УДК 82-32

ББК 84(2Рос=Рус)6

АЗ 11

ISBN 978-5-4492-0233-8 © Дьячков А.В, 2022

Вместо предисловия.

Никто из писателей не копнул так глубоко русскую душу, как Достоевский. Все выбрал, до дна!

Тем не менее, жизнь так разнообразна, ход ее так быстр, на смену старому постоянно приходит новое, что автор позволил себе покопаться в ней (душе) еще.

Не претендуя, впрочем, на глубокое психологическое извлечение материала из душ своих героев, на мудрое философское размышление о их судьбах, на красноречивое повествование их бытия. Показав своих героев такими, какими увидел, будучи вытащенным из небытия на краткий срок с того света на этот и вот уже несколько де-

сятков лет существуя созерцаемо под солнцем.

Человек по своей природе, характеру, привычкам столь разнообразен, что само наблюдение за ним увлекает. Его (человека) поступки удивляют, поражают, а иногда и – ужасают. И попробуй, разберись: откуда все это!? Откуда берется все разнообразие взлетов и падений души его!? Неужели создал его таким Творец?!

Или все разнообразие его есть приобретенное им в ходе эволюции?

Ведь порой кажется, что, создав двоих (Адама и Еву), он, Творец, тут же и забыл про них, бросив на произвол судьбы. И получилось (о человечестве) то, что получилось...

Тем не менее, тем и интересен человек, что так разнообразен в своих поступках. Ведь он и сам не знает, для чего он живет (в философском, ясное дело, смысле) – Творец не сказал ему об этом.

Вот этот-то смысл и ищет он всю свою жизнь – и не находит. А если и озаряет его, и он (смысл) найден – то

через мгновение уж возникает в нем (человеке) сомнение: а так ли это?! И снова – поиск, и вновь – мучение!

Но уж, что есть в нем (в той или иной степени) – это душа. Лишь душа (не разум) интуитивно (не инстинктивно) ведет человека к чему-то истинному. Потому и не утихает до сих пор это «кладокопательство»

– извлечение наружу сокровенной части души человеческой и ощупывание и обкатка ее со всех сторон взглядом непредвзято-взыскующим.

Кто-то, быть может, по прочтении книги и воскликнет словами героя из романа В. Катаева: «типичная маниус грандиоза!». Но я отвечу ему: ничуть не бывало! – зная автора довольно долгое время, как человека во вполне себе «умственном здравии».

Серьезность повествуемого в его рассказах чередуется с иронией – к себе, к окружающим, к человеку вообще. Иногда же автор просто дурачится. Но не бойтесь, он ни в коем случае не жаждет оставить вас (читателя) в дураках. Просто он, при всей своей кажущейся серьезности, очень веселый человек.

Итак, переведите взгляд на следующую страницу, и да блажен будет тот, кто постигнет всю широту души русской и приведет ее (по своему разумению) хоть к какому-то знаменателю! В этой книге – одна из множества и множества попыток сделать это.

А. Крашенинин.

5

День как день

Пробудившись ото сна и чуть приоткрыв глаза,
Гриша медленно, словно впервые, обвел комнату при-

щуренным взглядом. Закрыв глаза и, вновь раскрыв уже широко, понял, что безбожно проспал.

Огромное пятно солнечного света, падая от окна, гнездились на полу ярким неправильным квадратом, отчего и вся комната, и потолок, казалось, были под-свечены каким-то рассеянным и мягким светом.

Гриша опять закрыл глаза и еще некоторое время лежал неподвижно и расслабленно, соображая: досыпать ли теперь – раз уж проспал – или все же встать и собираться.

Еще вчера Гриша собрался отправиться на рыбалку – на омута. Поговаривали, в омутах, на дальнем повороте реки, водятся крупные окуни. Это-то Гриша и хотел проверить.

Припоминая, как окунь сопротивляется при вываживании, в душе Гриши ожил азарт рыбака. Он даже как будто почувствовал рвущуюся из рук удочку. Азарт победил. Гриша выскользнул из-под одеяла, быстро натянул штаны и рубашку, предчувствуя что-то необыкновенное от нового дня.

На улице полной мерой буйствовало июньское утро. Разноголосая птичья перекличка то затихала, то вновь возникала во всех уголках сада. Светлая зелень деревьев была неподвижно тяжела. По небу, прозрачно-синему, как корабли с туго натянутыми парусами, медленно, друг за другом, плыли редкие, почти белые

облака.

Гриша сунул в карман брюк ключ от лодочного замка, который выпросил вчера у дачного сторожа Петровича. Выпросил с большим трудом: тот никак не

6 Алексей ДЬЯЧКОВ

хотел давать лодку, так как был с похмелья, что нередко с ним случалось. Он минут десять зло куражился над молчавшим и терпевшим все Гришей.

– А ну как утопишь?! – проворчал Петрович, глядя не на Гришу, а словно сквозь него.

– Не утоплю.

– Все так говорят – «не утоплю», а всякий раз то-пют, – морщил Петрович свою опухшую и недовольную физиономию.

– Когда это было, чтоб топили-то, – не отступался Гриша (он всегда был в курсе всех дачных дел). – Не было.

– Я лучше знаю.

Гриша решил сменить тактику: не спорить.

– Я осторожно.

– Все говорят – «осторожно». А потом воды не от-черпашься.

Петрович пошевелил голыми, выставленными на солнце ступнями, на Гришу не глядел, а глядел теперь

куда-то поверх него – безнадежно-тоскливым взглядом. Он совершенно не обращал внимания на Гришу, и говорил будто не с ним, а сам с собой. Одна мысль билась в его голове – где взять похмелиться. И Гриша мешал ему думать в этом направлении.

Наконец что-то просветлилось в его взгляде. Он вытянул из-под лавки сапоги. Намотав портянку, сунул одну ногу в сапог, притопнул пяткой о землю, и все то же проделал с другой ногой. Встал и пошел к калитке. – А ключ? – напомнил ему Гриша, догнав и перегородив дорогу.

– Ах ты, боже мой-то, – процедил сквозь зубы Петрович, вернулся в сторожку и с великой неохотой выдал Грише ключ.

– Но, смотри!.. – коротко предупредил он Гришу, имея в виду, чтобы все было в порядке (лодка была ка-зенная).

День как день 7

Больше он ничего не сказал. А быстрым шагом поковылял по дороге вдоль улицы. А Гриша, довольный, что заполучил в полное свое владение лодку, схватил лежавшие у забора весла, насвистывая первую пришедшую на ум мелодию, быстро пошел к своему до-му...

На дачах в этот будний день было тихо и пустынно. Совсем не то, что в выходные. Гриша, который не лю-

бил бестолкового берегового купального столпотворения, почувствовал себя хозяином побережья и даже всей реки.

С удочкой и веслами он вышел на берег и тут уж заторопился, увидев, как вода темна и загадочна в своей непроницаемой глубине.

Речка была не широка, с высокими крутыми берегами, поросшими кустами, и кое-где склонившими к самой воде ветви старыми ивами. За противоположным берегом далеко и ровно тянулось поле, заканчиваясь еле видной темнеющей полоской леса под голубым небом.

Кто-то когда-то сказал Грише, что раньше на той стороне реки была деревня. Но отчего-то люди уехали, бросив насиженное место. Грише странно было думать, что деревня когда-то была, а теперь уж ничто не напоминало об этом. «Поле и поле», — часто, подолгу глядя туда, думал Гриша.

Лодка, привязанная цепью за вбитую в землю железяку, прислоненная бортом к берегу, стояла недвижно. Течение воды искривлялось, набегая на борт, огибая его и чуть вихрясь за кормой. А в воде, как живые, шевелились водоросли.

Гриша шагнул в лодку, положил удочку, вставил в уключины весла и открыл ключом замок цепи на носу лодки.

Когда он уже хотел оттолкнуть лодку от берега, на верхней кромке его возникла собака. И только Гриша

8 Алексей ДЬЯЧКОВ

оттолкнулся веслом, как собака сбежала вниз и прыгнула в лодку.

Это был пес сторожа. Большой лохматый дворняга, неопределимого какого-то палево-серого цвета. Одно ухо его свисало вниз, переламливаясь у самого основания, другое, напротив – стояло торчком.

Пес вспрыгнул на сиденье на корме, и уселся, как ни в чем не бывало (видимо привыкнув ездить на рыбалку с Петровичем), изредка взглядывая на Гришу своими желтыми умными глазами.

Досадуя этому беспардонному вторжению, Гриша хотел опять причалить к берегу, но, подумав, что возвращаться – плохая примета, делать этого не стал.

Прилаживаясь к веслам, Гриша выровнял лодку против течения и стал грести.

Лодка была тяжела. В нос толкалось довольно ощутимо течение. Первые Гришины гребки были неуклюжи и не плодovitы: казалось, лодка стояла на месте.

Вскоре он приноровился – дело пошло веселей.

Лодка, хоть и с трудом, продвигалась вперед.

Пес невозмутимо пошевеливал пушистым, похо-

жим на пуховой веер, хвостом и крутил, озирая все вокруг, мордой.

– Шарик, Шарик... – окликнул его Гриша, силясь вспомнить, как звали пса, и подумал: «Наверно, сторож приучил его есть рыбу», – опасаясь, как бы пес не съел его, Гришин, улов.

Над самой водой, выделявая различные виражи и фигуры, носились ласточки. У берегов, среди больших, лежащих на воде листьев, торчали цветки кувшинок.

По воде, чуть заметным ветерком, тянуло прохладой, а в бурунах, взвихряемых веслами, на воде высверкивались отраженные солнечные блики.

Во всем его окружавшем Гриша чувствовал что-то необыкновенное, еще им непознанное. И на лице его изредка и неосознанно возникала улыбка. Ему каза-

День как лень 9

лось, что лодка, ведомая им, преодолевает не течение воды, а течение времени, напитывая его, Гришу, чем-то важным.

Он вспотел. Волосы на лбу слиплись, прилипнув к коже. В руках чувствовалась усталость – они были непривычны к гребле; а весла вовсе казались неподъемными.

Наконец он доплыл до места. Река здесь делала

крутой поворот и была шире. Течение ее замедлялось. У берега, который имел больший радиус, казалось, вода была и черней и гуще: видно было – место глубокое. У Гриши захватило дух: конечно, в такой глубине должна водиться крупная рыба. Он перегнулся через борт, вглядываясь в омутную черноту. Толща ее жила своей жизнью, не подчиняясь общему течению. Вода здесь перемещалась и вверх и вниз, закручивалась в водовороты, как будто в гигантском котле, и вот-вот должна была закипеть. И Гриша некоторое время сидел неподвижно, не в силах оторвать от темной воды взгляда.

Пес взвизгнул нетерпеливо, стал перебирать передними лапами: мол, мы рыбу приехали ловить, а не сидеть без дела.

Гриша глянул на пса пренебрежительно, словно отвечая: «Тоже еще нашелся...» Но тут же и его пронизало возбужденным нетерпением.

Он взял камень, обвязанный веревкой и служивший якорем, и тихонько, с трудом удерживая веревку, спустил его на дно. Размотал удочку, наживил червя и пустил леску на глубину...

Прошло уже около часа. Поплавок так ни разу и не вздрогнул, не нырнул под воду – был совершенно спокоен под пристальным Гришиным взглядом.

Мимо проплыла лодка, тяжело и высоко груженная

сеном. На носу ее сидела бабка с замотанным платком лицом, и неизвестно как удерживаясь на крохотном

10 Алексей ДЬЯЧКОВ

остром пяточке. Казалось, огромная гора сена вот-вот спихнет ее в реку.

На корме сидел старик, в кепке, надвинутой низко на глаза, тоже тесно уместившийся на скамье. В руках старика было весло, которым он не греб, а только правил. Сцена эта напомнила Грише древность. Где теперь увидишь такое. Видимо, старики держали корову, и накосили сено где-то выше по течению.

Поплавок все так же стоял торчком, не шевелясь.

Пес, разочарованный в Грише, даже не взглядывал на него. Он зевнул, потянулся, выгнув вылинявшую спину.

Встал передними лапами на борт. Затем, спустив их, глянув лукаво на Гришу, опершись грудью на борт, перегнулся через него и, спрыгнув в воду, поплыл к берегу.

«Вот, паразит!» – подумал Гриша, не ожидая такого предательства от самого, пожалуй, преданного человеку животного.

Пес доплыл до берега, выдрался из густой береговой травы, поднялся вприпрыжку по береговому откосу. Отряхнулся: брызги дождем слетели с него в разные

стороны; и потрусил по берегу в сторону видневшимися крышами дач.

Гриша перестал глядеть на поплавок. Стал думать – кем станет в будущем. Мир такой разный, и в нем так много всего интересного, что Грише казалось: перед ним – сто дорог. Дорог, которые могут его прославить, могут сделать его знаменитым, или хотя бы известным.

Но на какую из них ступить, чему посвятить себя...

«Если бы знать про себя все заранее, – думал Гриша, – хоть чуточку приоткрыть завесу будущего и тем самым облегчить себе выбор. Ведь можно пойти не той дорогой – и тогда вся жизнь будет не той, о которой мечтается. – Это вот воде хорошо, – размышлял сам с собой Гриша, – течет себе по проложенному руслу – и никаких ей хлопот».

День как день 11

Потом он стал в уме перечислять профессии, которые были ему интересны и, которые могли бы стать делом его жизни. Вскоре их набралось десятка полтора. Каждая была чем-то интересна. Но что выбрать из такого разнообразия?.. Голова шла кругом.

Круг этот разорвался послышавшимся скрипом уключин. «Скрип, скрип», – терлось железо о железо. Вверх по течению продвигалась лодка, полная людей.

Когда она приблизилась, Гриша увидел: все кто сидел в ней были молодые ребята, наверно его, Гришиного, возраста. Среди парней были и девчонки. Все они глядели на Гришу, что было ему неприятно.

– Клюет? – спросил парень с длинными, чуть порыжелыми волосами, при этом явно ухмыляясь.

Гриша хотел ответить, но другой парень, сидящий на самом носу, опередил его.

– Хрен проглотил? чего молчишь? – спросил он развязно, и вся компания захохотала.

Гриша хотел ответить что-то грубо и резко. Но подумал, что те могут пойти на abordаж и потопить лодку. «Им дай только повод...» И он промолчал, глотая обиду. Он только глядел пристально в глаза тому, на носу, словно хотел запомнить и при встрече объяснить ему, что тот глуп и навязчив.

Лодка уже скрылась из виду. Гришины мысли – и те, что были до встречи с деревенскими, и те, что пришли вот сейчас, после их появления, – все сплелись в какой-то невероятный, нераспутываемый клубок. Он совершенно позабыл о рыбе, которая, быть может, и водилась в омутной глубине, но плевала на Гришину приманку.

Не сразу он заметил, как небо за его спиной потемнело всё разраставшимися и скоро захватившими половину его низкими темными тучами. А когда заметил – с

первым порывом ветра на воду упало несколько дож-
дых капель. Но тут же поверхность реки опять стала

12 Алексей ДЬЯЧКОВ

спокойной: первый порыв ветра и первые упавшие на воду капли были предвестниками надвигавшейся непогоды.

Гриша быстро вытащил и смотал удочку. Потянул за веревку камень-якорь. Но тот не поддавался, залипнув в илистом дне. С трудом Гриша расшатал его и все же вытащил. Но дождь уже настиг речную черту. Река из спокойной стала вся бурлящей от соскользавших в нее косо крупных капель, – как будто вода в ней закипела вздувавшимися пузырями. И уже только виделся в противоположной стороне от нашедших туч остававшийся голубым маленький клочок неба.

Гриша греб не переставая, уже целиком вымокнув.

А с неба все рушились и рушились целые потоки холодной дождевой воды. И казалось: и небо, и река слились воедино – так все было серо вокруг.

Нос лодки мягко ткнулся в разбухший от дождя берег. Гриша, оскальзываясь, не спеша, закрепил лодку на цепь.

Какое-то равнодушие поселилось в его душе: как будто все происходило не с ним. Замерев, он стал

смотреть и на реку, и на противоположный берег, и дальше, за реку – все казалось завешенным серым полупрозрачным занавесом. Он только смахивал с лица и глаз натекавшую с волос и со лба воду, как смахивают воду с лобового стекла автомобиля щетки дворников. Наконец, как будто очнувшись, он пошел к дому. И только ступив на крыльцо и оказавшись под крышей почувствовал, что дрожит, мелко и ознобно.

Дождь шумел в листве деревьев, барабанил по крыше – нудный, и видно, зарядивший надолго. Небо, еще недавно ярко-синее, было темным. И все вокруг словно померкло и тоже казалось темным, намокшим, и оттого мрачным.

День как день сказал бы кто-то уже поживший. Но Гриша считал этот день испорченным, прожитым зря.

13

«ЗВУЧАЛА МУЗЫКА ЗА ЗАНАВЕСКОЙ...»

Было позднее июньское утро (что-то около одиннадцати, начало двенадцатого). В окно светило солнце, пробиваясь с дрожью сквозь колышимые ветром листья тополя. В комнате было тихо, и ничто не предвещало дальней дороги.

Я сидел за столом перед листом чистой бумаги и

думал: пуститься ли мне в очередной раз в рассуждения о жизни. Рассуждения, быть может, никому не нужные, и даже могущие показаться кому-то простран-ными. И будет ли кто-нибудь это читать, не прервав чтение на первой же странице? И не пробормочет ли раздраженно: опять эта мерихлюндия чувств, воздушная любовная эфемерия и так далее, и тому подобное.

Ведь мне хотелось написать что-нибудь о любви. Историю простую и незатейливую. Поскольку нет для литературы темы более вечной и волнующей, чем — *он* и *она*. Историю без всяких там немыслимых какофоний чувств, нынешнего разврата и каталитической пошлости. Так вот я сидел и думал (так, наверно, думают стоя на берегу моря с покачивающейся у берега лодкой): поплыть или не поплыть. Да-с. Ведь неизвестно, куда приведет тебя это плавание; и надежна ли лодка; и не сломается ли весло... Да мало ли что может случиться с плывущим по морю в утлой лодчонке: налетит ветер, разразится шторм...

И все же я решил: сдал в пальцах карандаш и... И тут вдруг зазвонил телефон. Прозвучал один звонок, прозвучал второй. Эти два звонка словно давали знать, что в квартире существует телефон. Следующие два — были недоуменно-нетерпеливыми: что же ты так и си-

дишь?! вставай! А все последующие были уже вроде призывно-укоризненных: «Иди, возьми трубку!» – кричал уже нетерпеливо телефон. И я, повинувшись такой настойчивости (звонки все не прекращались), наконец поднялся, прошел в прихожую и, сняв трубку, прекратил его настойчивые призывы.

Звонил мой приятель.

– Чем занимаешься? – как всегда осторожно спросил он, никогда впрямую и сразу не начинавший разговор по сути.

– Да, в общем, ничем, – ответил я, решив не посвящать приятеля в задуманное мной «плавание».

Вот, если бы я действительно отплывал бы сейчас в какой-нибудь морской круиз или путешествие по реке на теплоходе, стоя на борту отшвартовывающегося корабля, – я бы так и сказал: пускаюсь, мол, в путешествие, пишите письма, не поминайте лихом и так далее

– что-то в этом роде. А так, что я мог ему сказать? что объяснить?..

Приятель молчал, наверно обдумывая сказанное мной. А я ждал, когда прервется его молчание, не торопя его, ведь, в сущности, понял я не так давно: жизнь нельзя торопить, она сама регулирует ход событий. И скоро и я сам, и вы вместе со мной убедитесь в справедливости сказанного. Но, буду рассказывать все как

было, по порядку, и не торопясь.

Так вот, приятель после паузы все же сообщил, зачем он звонит.

– Не хочешь съездить со мной в Можайск? – спросил он.
– А то мне одному как-то... – и опять замолчал.

Я ответил не сразу, – в моей голове пошла информация о Можайске. Райцентр на западе области. Недалеко – известное всем Бородино. А, главное, я там никогда не был.

И по прошествии нескольких секунд я сказал, что что же, можно и съездить.

«Звучала музыка...» 15

Я люблю ездить пассажиром в дальние поездки. Сидишь себе, смотришь на дорогу и по сторонам. Пронесются перед глазами картины жизни, города и деревни, природные пейзажи; да и сама жизнь пронесится – только успевай все это запечатлевать в своей памяти. Приятель – его зовут Андрей – сказал, что выезжать нужно сейчас же, чтобы успеть до закрытия.

Я понял, куда и зачем мы едем: одной из «достопримечательностей» Можайска (я так и беру это слово в кавычки) была и есть колония, женская колония, коей участи попасть туда – «от сумы, да от тюрьмы...», как говорится – не избежала и жена приятеля. Я не вникал в

подробности, но были там деньги. Растрата, недостача – что-то в этом роде. Казенный денежный вопрос.

Пресловутые деньги – не всегда добро, но часто и источник неприятностей, подумал я. Оделся и вышел на улицу, надеясь, что в дороге мне придет сюжет рассказа, который я задумал.

Время было уже к обеду. День был, что называется, чудесный. Такой, знаете ли, теплый майский день. Светило солнце. Редкие, медленно плывущие облака не мешали его лучам тянуться к земле, из коей, достаточно обогретой уже, лезла жадная до жизни травка, а на деревьях трепетала от легкого теплого ветерка нежная зелень листьев.

Подъехал приятель. Я с удовольствием уселся на сиденье. Машина развернулась и резво набрала ход.

Трудно сказать, что больше сподвигло меня согласиться на эту поездку, сочувствие ли к приятелю и желание ему отказать, или желание прокатиться (сам за рулем я ездить не люблю, но люблю ездить пассажиром). Езда за рулем, как я уже сказал – не мое; водитель я безалаберный, потому-то все мало-мальски интересное, что проносится за окном автомобиля, привлекает (но отвлекает от дороги) мое внимание. К тому же я склонен к задумчивому созерцанию. А от води -

теля требуется постоянное внимание на дорогу. Бог знает, сколько раз мне просто везло, и я не попадал в аварийные истории из-за этой своей задумчивости. Так или иначе – и нежелание отказать приятелю, и желание поездки, в которой я мог бы отвлечься и увидеть что-то новое, – все это вместе взятое сошлось в одном.

Я удобно устроился на сиденье и расслабился в режиме релаксации. Взгляд мой тут же начал выхватывать всякое из проносащегося мимо: пешеходов, перебредаящих дорогу на светофоре, памятник Ленину слева на площади перед совхозом-колледжем, машины, несущиеся навстречу. В общем, готов был с наслаждением отдаться во власть этого дорожного путешествия. Но приятель тут же огорошил меня просьбой – «попотрошить сигареты», как он выразился. А означало это: вытаскивать из пачек сигареты и складывать их – именно, складывать аккуратно, а не ссыпать неаккуратно вразброс – в целлофановые пакеты.

Я, конечно, понял, что нужно это для того, чтобы в пачках не передавалось (а везли мы жене приятеля так называемую передачу) что-то неразрешенное, а так, рассыпью, в прозрачном пакете – легко осмотреть содержимое его.

Неприятное удивление выразило мое лицо, – как

будто пришел в кино, но экран мне загрозила чья-то высоко выдающаяся голова.

– Чтобы там не тратить время, – отреагировал на это приятель, и я немного даже разозлился: как будто он не мог сделать этого заранее!

На заднем сиденье лежало несколько больших сумок и пакетов. Из пакетов торчали блоки сигарет, палки копченой колбасы, батоны белого хлеба, и вообще, казалось, чего там только не было.

– Что-то много она у тебя курит, – с неудовольствием сказал я, все еще досадуя.

«Звучала музыка...» 17

– Там сигареты – что-то вроде валюты, – объяснил приятель, – можно на что-нибудь обменять, ну и так далее, – и сделал такое умное лицо, как будто объяснил мне доказательство теоремы Пифагора, например.

Вот такой у меня приятель: все время требует одолжений, порой совершенно фантастических, и ухом не ведет. Впрочем, надо отдать ему должное, и сам он выполнит при необходимости любую твою просьбу.

В общем, делать нечего, стал я «потрошить сигареты», а за окном проносилась жизнь без всякого моего любопытственного внимания.

Я добросовестно взялся за дело. Выковыривал из

пачек сигареты, плотно втиснутые в картонный прямоугольник (как их только туда засовывают!) и укладывал их в пакеты. Было их неисчислимое множество, и противно пахло табаком. Какое уж тут задумчивое созерцание?!

Позволил я себе передохнуть, когда мы подъезжали к Клину, поскольку часто бывал в этом городе, правда – проездом. Учился я в Твери, из дома доезжал до Клина на автобусе и садился на электричку.

Мост через реку Сестру, старые Торговые Ряды, пересечение с Ленинградским шоссе и могилы наших солдат в центре города. Потом дорога свернула влево. Выезд из города – и я опять взялся за дело.

Бес его знает, сколько было этих сигарет. Считать пачки, а уж тем более сами сигареты поштучно было бесполезно. Да я еще и совершенный противник курения. От того вся эта процедура «потрошения» была для меня вдвойне омерзительной.

Но я (к огромной своей радости) их все же одолел, – как раз, когда мы проезжали Озернинское водохранилище. На поверхности его были видны рыбацьи лодки, неподвижные, с еле видимыми в них фигурками рыбаков. И приятель, заядлый рыбак, сказал:
– Махнем сюда на рыбалку?

– Махнем, – согласился я без энтузиазма. – Думаешь, есть здесь рыба?

– Вон же, ловят, – ответил приятель.

Всю дорогу ехал он молча, и сейчас, после этого короткого переброса словами, опять надолго замолчал. Я же все глядел в сторону водохранилища. Действительно, как-то манила и притягивала к себе взгляд водная ширь. И ко мне опять вернулось настроение путешественника, который проезжает незнакомые места. Я вновь стал обдумывать сюжет рассказа. Он будет – бандит, ну, в общем, с темным прошлым. Она... она – девушка из приличной семьи, наивная, простая... Нет, не то. Хм... Он – простой продавец, она – дочь богатых родителей. Родители – против. Чинят им препятствия... Не то, черт возьми: не то! не то! не то!!! Все это уже было, было, было!!! Все банально и пошло – из поза-прошлого века. «Да, написать историю о любви не так просто, – констатировал я факт беспомощности моей фантазии. И, наверно, если этого не происходило с тобой на самом деле, – что-то оригинальное наверно и не придумать».

Я стал копаться в своем прошлом: нельзя ли вы-удить что-нибудь там? Конечно, у меня были романы.

Было их немного, и все они были скоротечны и ничем хорошим не закончились – что ж об этом писать. Да и

романами назвать их сложно.

Человека – женщину – нужно прежде хорошенько узнать и изучить, а уж потом вступать с ней в плотские, так сказать, отношения, убедился я в ходе своих не-удачных «опытов». Вы скажете про любовь с первого взгляда?.. Да вот, черт возьми, с первого взгляда-то все и начиналось, а заканчивалось... В общем – заканчивалось.

«О – времена! о – нравы!» – восклицал классик. И был прав. Потому что нравы нынче... Так или иначе, но очень скоро выяснилось, что мы – я и она – вовсе не

«Звучала музыка...» 19

подходим друг другу и т.д. и т.п. Так вышло и с женой, с которой мы очень скоро расстались.

Охота к новым, как теперь говорят, отношениям отпала вовсе. Но вот мысль, что ведь может же быть все хорошо между *ним* и *ей* все же жила где-то глубоко внутри меня. Или это – подсознательное стремление после разочарований все же найти подходящего тебе спутника жизни? Не знаю! Как говорил мой ныне покойный сосед дядя Коля Корнев, очень веселый человек и большой любитель женщин даже в преклонном возрасте: «...найти подходящий материал».

Да-с, ничего не получалось, ничего, как говорят, не

сходило. Я и подумал, что ничего не получится. Что настоящий сюжет может дать только сама жизнь, случай, стечение обстоятельств. И не знал, что это вот-вот произойдет. Встреча и развитие событий после нее, - что и действительно трудно придумать.

Мы въехали в Можайск. Я во все глаза глядел по сторонам, ожидая увидеть какую-либо достопримечательность.

Кругом шла обычная жизнь обычного небольшого подмосковного городка. Довольно большое, шумно скользящее движение машин. Многолюдье на его центральных улицах. И почти деревенская тишина и благодать – на окраинах.

Свернули на какую-то довольно широкую магистраль. И так, двигаясь по ней, выкатились за черту города.

Сбоку от дороги я увидел пушку, наше семидесяти шести миллиметровое орудие, с направленным на запад, в германскую сторону стволом. Возле нее мы и свернули налево, двигаясь вдоль высокой стены. Это и была колония, а в просторечии – тюрьма.

Место ничуть не казалось зловещим. У ворот на асфальтированной площадке стояло много машин и автобусы. Приятель приткнул машину в парковочный

ряд и, открыв заднюю дверь, стал вытаскивать сумки и пакеты, нагрузив меня.

Я подумал, что такой «передаче» – о-го-го! как бы позавидовали заключенные, нет, арестанты какого-нибудь девятнадцатого или восемнадцатого века на далеком, к примеру, Сахалине. Нынешним обитателям мест лишения свободы живется теперь не в пример лучше.

– Саш-ш-шка! – услышал я вдруг невдалеке необычайно радостный горловой выплеск энергии и посмотрел в сторону ворот.

– Ленка! – раздался, вторя ему, голос такой же степени радости.

От стены к группке стоявших у первого ряда автомобилей бежала деваха, улыбаясь и широко раскинув в стороны руки.

Из группки навстречу ей выскочил парень, так же раскинув руки, – наверно, это и был Сашка.

Деваха с разбегу прыгнула парню на шею. И они, конечно, надолго превратились в одно целое и неразрывное. Так бывает с людьми после долгой разлуки.

Освобожденная сегодня Ленка встретилась у ворот колонии со своим парнем, а может, мужем, подумалось мне.

Приятель мой торопился и в отличии от меня не

был заинтересован неожиданно возникшей, полной сентиментализма сценкой. Мы свернули вправо, в сторону от ворот, к другой двери в стене. И оказались в помещении, в котором и принимались передачи, — большой комнате с передаточным окошком посреди противоположной стены, столами около той же стены, и лавками — по боковым.

Было много народу. Много сумок и всяческих пакетов лежало на столах. На полу лежали коробки — пустые и уже набитые всяческим мусором: бумагой, обертками, пакетами — тем, в чем были завернуты ве-

«Звучала музыка...» 21

щи, продукты, в общем, все, что привозилось сюда родственниками и друзьями осужденных.

Приятель занял очередь и стал ждать, а я вышел на улицу.

Встреча Ленки и Сашки взбудоражила меня. Они и еще несколько человек — вся их компания — садились в машину. Уселись и укатили. А я, оглядевшись, направился не спеша вдоль стены-забора.

«Что же случилось, — думал я, — что она, эта Ленка, оказалась за этой вот высокой стеной? Что-то ведь случилось? Как-то она оказалась здесь? Теперь вот вышла.

И Сашка ее встретил. И все кончилось хорошо. Такая

вот история, – как-то обыденно подумалось мне. – Но лучше, конечно, было этой Ленке сюда не попадать», – думал я и шел вдоль стены к шоссе, туда, где стояла пушка.

Все так же светило солнце. Я дошел до пушки, прочитал табличку, укрепленную на постаменте. На ней было написано, что на этом месте, такого-то числа, месяца, такого-то года героически защищала город такая-то артиллерийская батарея, такого-то артиллерийского полка.

Реальность тех событий давно покрылась, что называется, прахом времени, но вот пушка стоит себе и дает знать всякому – и «пешему, и конному» – о тех давних событиях, – веха времени. Мне хотелось дойти до центра города, но идти было далеко, и я повернул назад.

Он – иностранец, она – русская. Они общаются с помощью жестов и понимают друг друга, – продолжал я искать сюжет истории. Или: она – домработница, он – преуспевающий бизнесмен. Было. Было и то и другое! Он – милиционер, она – жертва преступления, которое он расследует. Опять было! Было, было, было... Я повернул голову направо, взгляд перепрыгнул через забор и остановился на окнах здания. Первые два

этажа скрывал забор, в окнах же третьего я увидел фигуры «арестанток», насколько мне было видно – молодых еще девчонок. Они стояли и смотрели в окно. Казалось – на меня. А впрочем, подумалось мне, – на волю за забором и уж потом, быть может, на меня, бывшего частью воли. По спине у меня пробежал холодок. Было что-то тоскливое в застывших у окна женских фигурках. Вот уж действительно – не дай Бог оказаться там, где оказались они.

Он – охранник, подумалось мне, она – заключенная... Сюжет, который я тут же забраковал. Во-первых, я совершенно не знаком с жизнью колонии; во-вторых, охранниками здесь, наверное, работают женщины, предположил я.

Потом я еще несколько раз заглядывал в комнату, где принимали передачи, и снова выходил на улицу, пока, наконец, заглянув в последний раз, не увидел, что

комната пуста. Лишь мой приятель стоял у окошка и ждал, когда всю груду пакетов, что мы привезли, можно будет запихнуть в окошко приемщице. И еще – у боковой стены стояла у стола девушка и – что бы вы думали она делала? Да-да: «потрошила папиросы».

Она тоже кому-то готовила передачу. На ней был спортивный костюм, как-то не шедший ей. У нее были короткие каштановые волосы с челкой, чуть спадавшей

на глаза, которую она изредка отмахивала в сторону рукой.

Пол был весь завален мусором. Коробки, предназначенные для него, были полным-полны. Тем не менее, девушка не бросала пустые пачки на пол, а старалась пихать их в гору мусора в коробке.

Я подошел к коробке и утрамбовал ее содержимое так, что можно было кидать в нее пачки, не опасаясь, что они свалятся на пол. Подвинул коробку поближе.

Ничего особенного, однако она взглянула на меня с благодарностью. На ее грустном лице еле заметная вы-

«Звучала музыка...» 23

светилась улыбка, и она благодарно чуть кивнула мне головой. И опять я подумал, что спортивный этот костюм на ней ей совсем не идет. Какое-то несоответствие – формы и содержания.

Приятель мой запихивал в окошко провизию. А я изредка взглядывал на девушку, пытаюсь определить, кому она принесла передачу: колония женская, значит, подружке или родственнице?..

Приятель запихнул в окошко все, что было. Девушка закончила с сигаретами и подошла к окошку.

Мы с приятелем вышли. Стоянка уже была пуста.

Погода на улице изменилась. Заходили по небу тучи, и

ветви деревьев у дороги упруго вздрагивали от налетавшего на них ветра. Так бывает перед сильным дождем.

У машины оказалось спущено колесо.

– Хм-м, – недовольно пробурчал приятель и стал менять колесо.

– Ты заметил, – сказал я приятелю, – этот костюм странно не идет ей? И вообще, странно, что она в костюме.

– Кому? – удивился приятель, поднимая машину домкратом.

– Ну, девушке, которая...

– А-а, – ничуть не удивился приятель моему вопросу, – так это им в колонии выдают, перед освобождением.

Я опешил:

– Думаешь, она... была там? – И посмотрел на забор, почему-то не веря, что она могла быть там.

– А чего тут думать.

– А передача?

– Так у них остается. Она подруге какой-нибудь и оставила, – со знанием дела ответил приятель. – Или в магазине купила.

Действительно, недалеко был магазин.

24 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

Тут до меня дошло: и почему костюм ей как-то не

шел, и улыбка ее была грустной. И еще подумал: почему ее никто не встретил, как вон, например, Сашка – Ленку?

Приятель затянул болты на колесе. На улицу вышла она, согнувшись под тяжестью сумки.

– Спросил бы, где живет. Подвезем, хоть до вокзала,

– сказал приятель, запихивая проколотое колесо в багажник.

Оказалось, что живет она в Клину, и нам по пути. И все же что-то, казалось, сдерживало ее от принятия предложения поехать с нами. Она, переступая ногами и поправив ремень сумки на плече, оглядывалась по сторонам, как будто ждала кого-то.

Но никого не было – площадка была пуста, – и она согласилась, сказав «спасибо».

Первые капли дождя, косо несомые ветром, вlepились в лобовое стекло, расплющились, слились воедино, образовав сплошную водяную пленку. Дворники упорно срывали ее – шарк-шарк! – но куда там, новые и новые капли снова накатывали ровным слоем на стекло.

Все посерело вокруг. И в машине – молчание. Нужно было что-то сказать, спросить. Но я не знал – что. Не спрашивать же про срок и причину ее нахождения за серыми стенами колонии.

Приятель рулил себе и думал про что-то свое. Мы

выехали из города и стали догонять солнце и полоску чистого неба. Наконец я обернулся, хотел сказать, что, мол, долетим быстрее ветра, или что-то в этом роде...

Она спала. Наклонив голову, прислонившись к стеклу виском, спала себе. Видимо сказалось напряжение дня, хоть и радостного. Но ведь не каждый день выходят из, хм, тюрьмы, подумалось мне. Еще там, в передаточной комнате, мне показалось, что внутри нее – пустота. Увиденная печаль в ее глазах и какое-то ровное спо-

«Звучала музыка...» 25

койствие, с которым она держалась, навели меня на эту мысль.

Думая об этом и лишь механически глядя на доро-гу, я время от времени поворачивал голову и коротко взглядывал на нее спящую.

Когда мы подъезжали к Клину, я снова взглянул на нее, думая, как ее разбудить. Но глаза ее были открыты. Быть может, она вообще не спала, а делала вид, чтоб не отвечать на вопросы? Во всяком случае, я бы так и поступил – не люблю вопросов из любопытства. Машина остановилась у пятиэтажного дома – обычной панельной пятиэтажки, каких полно в любом городе. Дождь лил как из ведра (солнце догнать нам так и не удалось). По стеклам сбегали вниз целые реки.

Окна и стены дома причудливо кривились в этом течении.

Мне захотелось как-то ободрить нашу неожиданную спутницу.

– С возвращением, – бодрым голосом сказал я. Вышел из машины и, открыв заднюю дверцу, взял ее сумку, чтобы донести до двери. Нужно же, черт возьми, чтобы кто-то проводил ее до двери, раз никто не встретил?! – Дождик – хорошая примета! – сказал я, бодро намокая.

– Ничего себе дождик – дождище! – откликнулся приятель, хотя фраза моя предназначалась вовсе не ему.

– Спасибо вам большое, – сказала она приятелю. А мне сказала, потянув руку к сумке: – Не надо, я сама, спасибо.

И опять глаза у нее были печальные-печальные.

– Ничего, – сказал я, донесу. И попытался пошутить:

– Оркестра не видать, наверно дождь разогнал.

Надо сказать, что шучу я почти всегда невпопад и неудачно, – но она улыбнулась. И я тоже улыбнулся, потому что улыбнулась она.

26 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

Я сказал приятелю, что я быстро, туда и обратно, и

приятель понимающе кивнул.

Мы взошли на третий этаж. Она открыла, вытащив из кармана ключ, дверь. Сначала она, потом я зашли в прихожую. Я поставил сумку и смахнул с лица капли дождя.

– И тут его нет, – вновь бодро попытался пошутить я.

– Кого? – обернулась она.

– Оркестра.

На этот раз она не улыбнулась.

– Действительно, дождище, – сказала она, повторив слова приятеля и, пройдя в комнату, принесла и протянула мне полотенце.

Я вытер волосы, лицо.

– Ну... – сказал я, немного смутившись, и опять собираясь пошутить, сказал что-то вроде: «Не поминайте лихом...»

– Оставайтесь, – сказала она, посмотрела на меня своими печальными глазами. Сказала без надрыва, без тоскливого пафоса, – как будто мы были давно знакомы.

И, видя мое колебание, спросила: – Вас кто-нибудь ждет?

– Никто, – сказал я и пожал плечами.

Я же говорил, что жизнь иногда выдает совершенно неожиданные сюжеты!

– Но вы... вас... к вам, быть может... – сказал я, чтобы

глупо не молчать.

– Не может, – сказала она.

Мы молчали и поглядывали друг на друга. Я неуверенно снял куртку и осторожно, как будто боялся, что он оторвется, повесил на крючок. Увидел, что в глазах ее что-то изменилось.

Кто не знал одиночества, тот сейчас же полезет в дебри похабства и ерничества, будет продираться сквозь них, читая написанное мной. Я же толк в одино -

«Звучала музыка...» 27

честве знал. И потому плевать мне было на того, кто бы так подумал.

– Ну, хоть гармошка-то у вас есть, – опять попытался пошутить я, – оставаться так с музыкой.

На этот раз она улыбнулась.

– Проходите, – сказала она. Тут я вспомнил про приятеля, что он ждет, и что нужно сказать ему, что я, кажется, не поеду.

– Я сейчас, – сказал я, а она посмотрела вопросительно.
– Отпущу «такси».

Пыль в комнате отовсюду была сметена. Она (я ведь так и не знал ее имени) наскоро протирала пол. Скоро все следы давнего отсутствия хозяйки были уничтожены. И новая моя знакомая, сказав, что она

быстро, прихватив сумку, ушла в магазин.

Я стал осматривать квартиру, в которой оказался так неожиданно и вопреки своей натуре не ввязываться ни в какие истории, в том числе сомнительного рода любовные (история, как потом и впрямь оказалось, вышла...)

Но пока я об этом не знал, и лишь пытался по обстановке квартиры определить: что за человек – хозяйка, и что с ней могло приключиться. В общем, как Шерлок Холмс с помощью своего дедуктивного метода определял суть интересующего его человека, так и я старался проделать то же самое.

Квартира была двухкомнатная и вполне хорошо обставленная. Большая комната – зал, комната поменьше – спальная. И через небольшой коридор от прихожей – кухня. И было видно, что в квартире делался ремонт. Но ремонт так и не обжитой, не «вытоптанный».

Во всем чувствовался уют, что называется – женская рука. Лишь налет пыли на мебели, да и вообще на всем, которую успела уже наспех смахнуть хозяйка, говорил, что уютом этим давно никто не пользовался.

28 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

«Замужем ли хозяйка?» – задался я вопросом. И тут

же увидел фотографию – в красивой рамке, за стеклом серванта.

Вглядевшись, я узнал хозяйку квартиры, а рядом с ней был молодой парень. Оба были нарядные и веселые.

Он – в костюме и галстуке, она – в красивом белом платье, с красивой прической длинных пышных волос. Некоторая печать официальности проглядывала и в лицах, и в позе стоявших – так запечатлевают некое важное событие в жизни. Наверняка на обороте фото была сделана торжественная надпись, подумалось мне, но достать фото и прочитать надпись я не решился, – весь мой осмотр был только лишь простым любопытством.

Разумеется, до того, что с ней случилось, она была не одна, предположил я. И тут же подумал: почему ее никто не встречал там, у ворот? и почему квартира пуста? и откуда ее грусть, казалось бы, неуместная в такой день?

Я вспомнил крик радости на стоянке колонии, крик Ленки, которую встречали. И не просто крик радости, а бурный восторг извергли уста той... Впрочем, чему я удивляюсь, остановил я себя. Для каждого у жизни припасен свой сюжет, своя судьба, свой ход событий. Кому-то везет, кому-то – нет. Вот и здесь: кого-то встретили и заключили в объятия – и крик восторга, и радость в глазах; ну, а у кого-то в глазах – печаль и

равнодушие...

Щелкнул замок в коридоре. Ее глаза в проеме двери взглянули на меня и пропали, будто удостовераясь не сбежал ли я. На кухне послышалась обыкновенная возня хозяйки. Что-то зашуршало, что-то вывалили на стол, звякнула посуда, вытаскиваемая из шкафа, и застучал по доске, что-то нарезая, нож.

Она вошла с подносом, полным тарелок, и бутылкой вина.

«Звучала музыка...» 29

– Сегодня праздник, – сказала она, чуть грустно улыбаясь. – Двигайте стол к дивану. Чувствуйте себя как дома и не делайте, пожалуйста, глупое лицо. Лицо у меня действительно надо признать иногда имеет глупое выражение. У меня курносый и, как мне кажется, большой нос, большие и всегда удивленные глаза – как будто я увидел, вдруг, например, слона в комнате рядом с собой.

– Это у меня – от неожиданного поворота событий, – сказал я. – Я ведь утром никуда не собирался. А потом позвонил приятель – и я оказался, вдруг, в Можайске. У друга жена там... А теперь вот оказался в Клину... – С неизвестной особой, – вздохнула она. – Но вы не должны жалеть: вы спасаете меня от смерти... знаете, ино-

гда бывает что...

– Знаю, – прервал я ее, потому что лицо ее опять стало печально, как там, в комнате для приема передач.

– Чудесно вы все это, – говорю, – нарезали; и пахнет аппетитно.

Я подвинул столик, она поставила поднос и сказала:

– На скорую руку, без «первого».

Честно говоря, я проголодался.

– Ерунда, – сказал я, снял с подноса тарелки, рас-ставляя на столе.

Потом я пытался сказать тост. Говорил невнятно, боясь бухнуть какую-нибудь бестактность.

Она слушала, глядя на меня серьезно; но вдруг что-то вроде испуга отразилось на ее лице.

– Ой! – почти вскрикнула она, поставила бокал на стол и выбежала в другую комнату.

Конечно, я бухнул что-то не то, – ругнул я себя, думая, идти ли мне извиниться или... Да не знал я что

делать, вот и все. Женская непредсказуемость никогда не сбивала меня с толку, но сейчас ведь случай особый.

Я сдернул с тарелки кусок колбасы и быстро сжевал его, – не мог удержаться, чувствуя, что если не бросить

30 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

чего-нибудь в бурлящий желудочным соком котел –

его просто разорвет.

Там, в комнате, было тихо, и только легкое шур-шание – ткани или еще чего-то – слышалось из-за приоткрытой двери.

Я украдкой еще запихал в рот колбасу и не успел прожевать. Вышла она. Колбаса перегородила горло, грозя удушением и полной асфиксией.

Конечно же – вот до чего я не додумался! Вот, что значило ее «ой!»: она вспомнила, что на ней так не идущий ей костюм.

Теперь это была совсем другая *она*. На ней было платье, идущее ей и делавшее ее другой. Она изменилась. Изменилось лицо, подведенное чуть косметикой.

– Вы ужасно голодный, – сказала она. – Ешьте, ешьте, ешьте, – подвинула ко мне тарелки. – И давайте выпьем за то, что вы... так неожиданно появились, и что не исчезли... наверно, у вас была такая мысль.

Я попытался возразить, но стал лихорадочно глотать колбасу, которая застряла в горле, и не хотела проваливаться.

Она улыбнулась, встала, подошла к проигрывателю, уже ставшему анахронизмом в нашей жизни. Вытащила из ниши пластинку. И, после недолгого шипения, по комнате и, признаться, внутри меня тоже, прополз торжественно органный аккорд. И замолк. И тут же возникли и заполнили всю комнату уже несколько

других аккордов, тяжело, но плавно переливаясь друг в друга. Потом переливы одиночных нот закружились по стенам. Бах как всегда был торжественен и непререкаем в своем музыкальном величии.

– Многие называют эту музыку похоронной, – сказала она.

– Это потому, что она многих пережила и многих еще переживет.

– Ешьте, – сказала она.

«Звучала музыка...» 31

– Никогда не ел под музыку Баха

Она подошла к окну. Отдернула занавеску.

За окном все лил дождь. В стекло лепились капли.

Она повернулась ко мне и проговорила стихом то, что, казалось, было и в комнате, и за окном:

– Звучала музыка за занавеской. В окно лились чудесные аккорды. Как будто волны на берег отвесный, катились, то замедленны, то скоры. Вдали мерещились

чужие страны, пологом тайны взорам скрыты. И тихий голос, голос странный, туда манил, как свет софитов.

Порою буря налетала. И волны бились с страшным ревом, все разбивая у причала...

Она замолчала, не довершив строфы.

Я пытался вспомнить, чьи это стихи. Но никак не мог, сколько ни напрягал память. И даже аналогия с

кем-либо не приходила мне в голову.

– Чьи это стихи?

Она сказала:

– Мои.

Потом она поставила другую пластинку.

– Белый танец! – объявила она, когда легкое шипение иголки о винил сменилось звуками стародавней мелодии.

Она подошла, и в ее движении была торжественность. И чуть улыбнулась своими грустными глазами.

Что мне оставалось делать: белый танец – придуманная женщинами ловушка для нашего брата. Хочешь-не хочешь, а – изволь.

И все же я рад был этому ее порыву. Мне хотелось, чтобы она развеселилась. Хотелось, чтобы жизнь для нее началась вновь. И было приятно прикоснуться к ее телу, почувствовать ладонями ее талию. Я лишь боялся испортить все каким-нибудь неловким движением. Хотя был уже во власти звучащей негромко мелодии и близости все больше и больше нравящейся мне женщины.

32 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

Я обнял ее за талию, она положила руки мне на плечи. Я почувствовал аромат духов, вокруг все стало пустеть и валиться куда-то. И сам я проваливался куда-то:

черт знает, что творят иногда с нами нравящиеся нам женщины!

Музыка закончилась, но объятие наше не было разорвано. Неожиданно я почувствовал дрожь ее тела. Ее сотрясали рыдания. Она плакала, уткнувшись мне в плечо. Наверно все напряжение дня прорвалось в ней; и не мудрено.

Я гладил ее волосы, хотел что-то сказать. Но я не умею утешать, хотя умею сострадать. Я не находил слов. Все слова тонули в бессмысленной банальности фраз...

Она, заснув, ровно дышала рядом. А мне все не спалось. Я все время плохо засыпаю после наполненного событиями дня. И почему-то все продолжал сочинять историю, задуманную еще утром, хотя эта история уже произошла на самом деле.

Утро. Свет еле пробивался из-за занавесок. В комнате – голубоватый полумрак. Ее профиль тоже был голубоватым. По еле заметному вздыманию груди угадывалось спокойное дыхание.

Спящая женщина – всегда загадка, хотя бы потому, что она может притворяться спящей.

Я вышел на балкон. От вчерашнего дождя остались капли на листьях деревьев и лужи на асфальте. На небе

– голубые окна меж облаков, через которые выглядывало солнце.

Я вспомнил такой же день в Клину – возвращение из армии. Нас посадили на военном аэродроме в Калининe. И мы – я и еще трое ребят-дембелей – с Рогачева, Дмитрова и Яхромы, – сев на электричку, доехали до Клина.

«Звучала музыка...» 33

Сбегая с перехода на привокзальную площадь (торопились домой), в буквальном смысле чуть не сшибли на лестнице патруль – старлея и двух его бойцов. Мы были веселые, расхристанные, с большими чемоданами в руках. Мы ехали домой, и дом был близко. И – море по колено.

Старший лейтенант, кинув руку к козырьку, сухо и надменно представился: старший лейтенант такой-то. Но кто-то из нас крикнул: «Брось, старлей, мы уже гражданские». И старлей отстал, махнув зло рукой. – А мог бы и в комендатуру, – весело сказал кто-то, когда мы уже выскочили на площадь. – Да ну его.

И мы все засмеялись.

Глупо как-то получилось: мы уже несколько дней в «запасе» и далеко от того места, где служили – и опять

армия напомнила о себе.

– Нужно забыть старлея и забыться, – предложил кто-то. – Как насчет выпить?

В другое время кто бы отказался! Но дом был близко, и решено было «не забываться». И тут же было принято решение обратиться к такси, чтобы не трястись в душном автобусе.

Таксист, дядька средних лет, весело запихивал наши чемоданы в багажник: ему, что называется, пофартило – мы не скупилась.

Он лихо крутанулся на площади и, вырулив на дорогу, то разгоняясь, то тормозя, погнал по городу. Конечно, я не запомнил того города. Я лишь помню, что тогда тоже был солнечный и теплый июньский день.

34

У ЦЕРКВИ

Площадь села была пуста. Никто не толпился у магазина – бывшей церковной богадельни. Безлюдно было и за оградой церкви – древней, небольшой, но с высокой мощной колокольной. Рядом, по дороге, делящей село на две части, то и дело проносились машины, сбивая некое благолепие с наружности храма.

Церковная служба давно закончилась – было около трех часов дня. Картину площадного покоя нарушил

вдруг свернувший с дороги грузовичок. Вильнув зигзагом, машина остановилась, подала задом к церковной калитке и замерла, перестав тарахтеть выхлопом мотора.

Из кабины вылезли шофер и пассажир. Пассажир, вытащив папиросы, закурил. А шофер откинул задний борт и закинул наверх тент, что-то сказав внутрь.

Из кузова выпрыгнули еще двое. Средних лет, чем-то похожих друг на друга мужчин. Один из них, поглядев на небо, подошел к курившему и тоже стал закуривать. Другой, прошел в калитку храма и зашел через колокольню внутрь.

День был прохладный. По небу тяжело волоклись темные тучи. Иногда с верха на лица стоявших слетали редкие капли. Ветер то наседали упругой волною, так, что с асфальта подхватывало и несло через площадь пыль и листья, то, вдруг, унимался, и становилось тихо и хорошо.

Тот, что зашел в церковь, вернулся и сказал стоявшим у машины:

– Ну что, взяли?

И опять двое, что ехали в кузове, залезли внутрь. А двое других потащили на себя и вытащили наполовину

гроб. Те, что были в кузове, снова прыгнули на землю. И все четверо, подхватив гроб с боков, понесли его в церковь.

За ними, взявшись невесть откуда, наблюдала старуха, тело которой лежало в гробу.

– Вот уж забот ребятам, – сказала она, неслышно ступая за несущими гроб, и тяжело вздохнула. – Привези. Выгрузи... Гроб-то тяжелый. О-хо-хоюшки... Ей было странно и досадно, что вот она померла так неожиданно, и что теперь с ней ее сыновьям вышло столько хлопот. А главное – что она не может ничего сказать им и ничего сделать, чтобы хоть как-то им помочь.

– Осторожно, там порожек, не споткнись, – громко сказал тот, который ходил в церковь.

Они занесли гроб внутрь колокольни и поставили его сбоку на широкую лавку. И еще постояли немного, глядя на крышку с прибитым на нее золоченым крестом, и как будто испытывая неловкость перед покойной, за то, что оставляют ее одну на всю ночь в пустом храме.

– Ну, мать, до завтра, – наконец сказал Михаил, младший сын старухи, тот, который заходил до того в церковь. И все четверо вышли на улицу. Шофер торопился. Он поднял и защелкнул на запоры с боков борт, скинул сверху и закрепил тент. И

спросил у Михаила, во сколько ему завтра подъехать.

– Ну, как... ну, – задумался Михаил.

– К десяти, – уверенно сказал водитель, видно он не впервые возил покойников. – Пока отпевание, то-се.

– Лады, – согласился Михаил.

И шофер, и тот, что ехал с ним в кабине, залезли внутрь. Завелся мотор, и грузовичок резво выскочил на дорогу и исчез в разгонном потоке.

Оставшиеся двое несколько минут стояли молча, как будто не зная, куда идти и что делать дальше. Все

36 Алексей ДЬЯЧКОВ

что нужно было сделать сегодня, они сделали, а до завтра было далеко. Лица обоих были хмуры и несколько растеряны. Сейчас, перед тем горем, которое настигло их в их далеко и до этого небеззаботной жизни, они очень сильно походили друг на друга и внешне и той внутренней, свойственной любому человеку, подавленностью и растерянностью.

Они не глядели друг на друга, потому что внутри у каждого было одно и то же – чувство тоски и неустроенности в этом мире: ведь мать это всегда мать. Какая бы она ни была. А уж их мать была и незлобивой и не строгой, всегда любившей их и за них болевшей.

– Да, мать, натворила делов, – сказал Михаил, поче-

сав медленно затылок.

– Тяжело, Мишка, – сказал старший из братьев, Иван, только что приехавший на похороны издалека. – На душе, знаешь, этак... как кувалдой по голове стукнули: ничего не соображаю. И внутри пустота.

Михаил огляделся вокруг рассеянным взглядом и остановил его на стоявшем напротив церкви магазине.

– Сходи, что ли, в магазин, – сказал он, отняв руку от затылка.

Иван, не раздумывая, сказал:

– Схожу, – и направился к магазину.

– Деньги есть у тебя? – крикнул Михаил ему вдогонку.

Иван не оглянувшись, только махнул рукой, что есть.

Тут снова появилась старуха, что лежала в церкви – душа ее.

Она, покачав головой, глядела на удалявшегося Ивана, и стала ругать рядом стоявшего Михаила:

– Ну, уж вот ни к чему. С выпивкой затеялись.

Ванька-то говорит: кувалдой по голове. Шли бы домой-то, там бы хоть за ними Светка путем присмотрела.

Она подошла вплотную к Михаилу, пытаясь вразумить его.

Но он не видел и не слышал мать. На лбу у него вырезалась упрямая борозда.

– Мишка, кому говорю-то!.. Опять Светка ругаться будет! Вот уж, повод нашли – загрустили. Что ж мне, вечно жить, что ли? Пора и отдохнуть, на рай поглядеть...

Ну, на кой ляд выпивать-то?! Подождали б до завтра. Завтра похороны, ведь с больной головой утром вставать.

Михаил топтался на месте, глазами ожидая Ивана.

– Не слышит, – досадовала старуха. – И тот, Ванька, согласился – бегом побежал. И магазин-то вот уж некстати рядом.

Из магазина быстрым шагом возвращался Иван. И старуха, расстраиваясь еще больше, качала сокрушенно головой.

– Вон, бежит, с бутылкой.

Иван подошел к Михаилу и стал оглядываться: теперь, когда уж некуда было отступить, он шарил глаза-

ми – где можно было бы неприметно присесть и выпить.

– Пойдем, вон, в сторонку, – сказал Михаил и направился к трансформаторной будке, стоявшей с краю площади.

Они зашли за будку, сели на плиты, которые непонятно для чего лежали тут видать уже давно.

Иван поставил бутылку, вынул из кармана стаканы и взглянул на Михаила оценивающим взглядом. Тот, взяв бутылку, скрутил пробку, наполнил стаканы и то-же внимательно посмотрел брату в лицо, как будто видел того впервые.

Иван жил далеко от дома, уехав сразу после армии. Они долго не виделись, и теперь, казалось, глядя друг другу в глаза, пытались понять, что у другого внутри и как на кого повлиял уход матери из их жизни.

38 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

Старуха села с ними рядом и стала думать о себе, о жизни и о сыновьях. Но, не выдержав, опять проворчала тихо:

– У мужиков одно лекарство ото всего – водка. Жалеют, что я померла, а того не понимают, что закон такой, закон жизни – старому помирать. Пожила ведь, слава Богу, чего еще. Что ж мне – до ста лет жить?!

Жить ведь хорошо, когда молодой. А в старости уж куда жить! Если уж тело немощное, и ноги не ходят... Михаил, держа на весу стакан и тоже задумавшись о чем-то, очнулся и сказал:

– Ну, чтоб ей там, на том свете... – И замолчал, потому, что не был уверен, есть ли «тот свет». И, если есть, как там вообще все организовано для ушедших

туда. И как там будет матери: хорошо ли, плохо ли? И еще долго молчал, подбирая нужные слова, но они все не шли и не шли на язык.

Видя замешательство брата, Михаил сказал:

– Чтоб ей там...

Но и он тоже споткнулся на этом «чтоб ей там», не зная, но желая, чтоб их матери было там, на том свете, хорошо.

Они выпили, втокнули в себя спиртовой раствор, словно пытаясь закрыть, задавить что-то, пытавшееся

вырваться истошным криком из их нутра наружу, заматывать хоть как-нибудь образовавшуюся внутри них рану.

Старуха поморщилась, глядя на них.

– Закуски-то не купил. Что ж водку-то хлестать без закуски.

Иван, как будто услышав мать, вытащил из кармана шоколадку, шелестя фольгой, развернул ее и подал Михаилу.

– Рази шоколадкой закусишь? Разве хмель-то перебьешь? – проворчала старуха.

Михаил отломил кусок и сунул в рот.

У церкви 39

– Как подумаю, что мать померла – так тошно становится.

Иван махнул стаканом, зло выбивая со дна остатки водки.

– Не захотела до зимы доживать.

Михаил, морща лоб, поглядел на небо, потом перевел взгляд на крест колокольни, который нерушимо стоял на фоне перемещающихся тяжело туч.

– По-моему, сентябрь – самый подходящий месяц для этого дела.

Иван посмотрел на брата внимательно, словно еще не видел того с момента приезда.

А Михаил, словно оправдываясь за сказанные слова, продолжил:

– А что?! Земля сухая еще, теплая. Лето прошло.

Скоро дожди зарядят, холодрыга... Она, мать, зиму не любила. Летом-то, я ее отвезу в деревню – она там и копается себе потихоньку в огороде. Вот уж любила в огороде копаться. А зимой – бродит как привидение по квартире. Нет, что ни говори – это мать специально подгадала, чтоб зиму не мучиться...

Он даже махнул рукой, ребром ладони: мол, вот оно, вишь ли, как получается. Взял бутылку, и плеснул опять в стаканы.

Старуха внимательно следила за ними, как бывало, за маленькими, никак не одобряя ни выпивку, ни завязавшийся между сыновьями разговор.

– Балабол, – сказала она, глядя на Михаила. – Кто ж

такое подгадывает. И знать-то не знала, не ведала. Как петлю мне накинула смертушка-то, сзади подкралась – я и не видела.

– Как она, в последнее время-то? – спросил Иван, глядя куда-то вдаль, за дорогу.

– Как?! Сдала в последнее время. Раньше-то: топ-топ-топ, стук-стук-стук, ногами перебирала. А тут: шир-шир, шир-шир – шаркать стала. Идет – с палкой, за

40 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

стенку держится. Таблетки пила, вроде помогали – а все равно...

Михаил опять махнул рукой – теперь это был жест отчаяния.

– Чувствую себя сиротой.

Глаза Ивана как будто застыли ледяно, и уже непонятно было, куда и на что он смотрит.

– Что же, и мы не вечные, встретимся рано или поздно, и все будет как прежде.

– Ха! Если бы я был в этом уверен, я бы ни рюмки не выпил...

Старуха, прикрывая рукой стакан Михаила, тут же сказала:

– Вот и правильно, Миша, не нужно.

Но братья, не слыша матери, выпили, потому что

уже все их естество стронулось с равновесия и жаждало хоть какого-то освобождения от тех мыслей, которые толклись горько в их головах: водка, и правда - будто как-то притупляла ощущение горя.

А старуха снова покачала головой.

– О-хо-хо. И чего не поехали домой на машине?!

Ведь теперь пешком идти, да еще выпивши. Бросьте вы ее, заразу, да идите домой. Ведь опять, Мишка, Светка-то ругаться будет.

Иван, вытирая губы от шоколада рукавом, сказал с неким философским вызовом жизни, когда она, жизнь, показывает человеку свой норов:

– Все-таки, как коротка жизнь! Только и вспомнишь, что детство. А потом как-то быстро все, кувырком. Вот только теперь и остановка. Мать тормознула ход времени.

Они оба как будто стояли теперь над обрывом, не зная, глядеть ли дальше вниз, измеряя взглядом его глубину или – ну его к лешему. И решали, каждый про себя: нужно ли что-то говорить о матери, которая лежала вон, рядом, – как будтои не померла вовсе, а про-

У церкви 41

сто зашла в церковь, и они дождутся ее, когда она выйдет. А время, в котором они находились в данную ми-

нута, стало для обоих каким-то непрозрачным и вязким, и они совсем увязли в нем, и совсем не пытались выбраться из липкой его массы. И Михаил первый, словно опомнился от нахлынувшего:

– Да, вышибла мать из колеи. – Почесал затылок. –

Сегодня Светка говорит: «Не болтайся там нигде, дома, придешь, выпьешь...» – когда такое было. И улыбнулся чуть: – Они на меня с матерью навалятся иногда –

так терплю, не пью.

Михаил посмотрел на бутылку, потом на брата.

Иван неопределенно пожал плечами.

– Так, может, не нужно было сегодня-то?..

Михаил встрепенулся:

– Еще чего?.. Тут, можно сказать, все под ногами опрокинулось, пятки огнем жгет; матери не стало; белый свет померк. Должен же быть какой-то выход из положения?!

Иван вздохнул.

– Какой может быть выход: против смерти не по-прешь.

И опять оба надолго замолчали.

Иван стал думать, что выхода у каждого человека только два: или – жить, или – умереть. Третьего человеку не дано, потому что он не Господь Бог, а всего лишь человек – существо низшего порядка, не способное никак изменить ход жизни.

Михаил же думал, что нужно было брать сразу две

бутылки, потому что то, что они выпили – это было только травить душу. И если уж есть выход, то выход был – в полном забвении. А так теперь, думал он, сиди и думай о жизни – а стоит ли она того?

– Тучи находят, – сказал Иван, глянув на небо.

Михаил с вызовом прокричал:

– Пускай идут! Мы их не боимся!

42 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

Старуха, ходившая рядом с ними взад-вперед, встрепенулась:

– Вот всегда так: выпьет – и море по колено. Хоть бы Ванька его приструнил. Ишь ты, Ванька-то, постарел.

– Долго не видевшая старшего сына, она глядела на него с материнской нежной жалостью. Седой вон уж. А молодец, сразу приехал, как узнал. Сколько ж его не было-то?... – задумавшись, стала вспоминать. – Года три не приезжал. А тут приехал, на мать взглянуть последний разок... Не совратил бы его Мишка-то на выпивку-то еще дальше, хватит бы им.

И опять она присела за их спинами на плиту, и терпеливо стала ждать, когда им надоест сидеть, и они пойдут, наконец, домой.

Михаил, опустив голову, глядел в одну точку перед собой. Молчал.

Иван смотрел искоса на брата. Как будто сравнивал Михаила теперешнего, и того, который помнился в детстве, пытаясь уловить перемены в нем.

Но этот, теперь сидящий рядом с ним Михаил, и тот, младший брат Мишка, сливались в какого-то одного – в кого-то между тем и другим – неуловимого.

Наверно это действовал хмель, не дающий сделать сравнительный анализ лиц с разницей в тридцать лет.

И ему показалось, – нет, он уверился сейчас твердо, – что время играет с ними, как с подопытными. И рано или поздно выставит перед ними, как в витрине, портреты. Показывая, вот какой ты был, молодой и красивый. А вот, какой стал, во что превратился попроше-ствию

нескольких десятков лет.

«Нет, нельзя поддаваться этому», – подумал он отрезвляясь. Положил руку на плечо брата.

Михаил взглянул на него, сначала как будто не понимая, кто с ним рядом. Потом взгляд его потеплел, он чуть улыбнулся.

– Ну что, полный вперед? или как?

У церкви 43

– Пора, – сказал Иван.

– С матерью прощаться не будем?

– Все завтра.

Иван поднялся, пробуя ногами твердь земли, словно впервые ступил на нее.

Встал и Михаил.

Старуха, было задремав, обрадовалась:

– Давно пора. Идите с Богом. Чего сидеть-высиживать.

Братья неспешно двинулись к дороге, по которой все катили и катили машины.

А старуха, идя за ними, думала: провожать ей их, или не ходить? (Она не знала – можно ли ей уходить далеко от тела или нет) «Хоть бы кто сказал, чего мне теперь делать-то, – раздумывала она. – Хожу, как неприкаянная. Как будто и не нужна теперь никому-шеньки».

Подумав, она решила все же чуть проводить сыновей. «Вот дойдут до речки, перейдут ее – а дальше бог с ними».

Дорога от церкви спускалась к узкой, но полноводной речушке, через которую для пешеходов был перекинут шаткий мосток. Михаил затянул было песню. Но Иван стукнул его слегка по затылку. И он осекся, сказав в оправдание:

– Не могу привыкнуть – все как-то из головы выскакивает, что мать уж того...

– Привыкай, привыкай, – сказала старуха с вырвавшимся смешком. – Ей меньше всего хотелось, чтобы

кто-то горевал об ее смерти. – Пожила, слава Богу, теперь чего ж, – и придерживала кого-то спотыкавшегося из них, чтобы тот не упал. Особенно она боялась, когда они переходили мост через речку. Он был хлипкий – деревянный, из гнилых досок и с некрепким поручнем из жердей с одной стороны.

44 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

Переходя, братья остановились посредине и долго молча смотрели на бегущую воду.

– Вода течет, – сказал Михаил, как-то по-детски улыбаясь.

– Это не вода, это жизнь течет, – сказал серьезно Иван, грустно думая, что по воде кораблями плывут годы, исчезая под мостом безвозвратно. И он хотел объяснить это брату, но снова не находил подходящих слов.

– О, Господи, Господи! – проворчала старуха. Она очень боялась, что сыновья свалятся в воду. А главное, ей было досадно, что она не может ни сказать им ничего, ни провести, держа их крепко, по хлипким доскам.

Но сыновья потихоньку все же перебрали по скрипевшим доскам на другую сторону, и старуха вздохнула свободно.

контуженный

Через окно в комнату врвался яркий утренний свет. На улице с высоких тополей срывались и громко отзывались в комнате крики грачей. Доносился с дороги и хорошо был слышен в комнате шум проезжавших машин.

Утро, пробудившись, бродило за окном, как хорошо заправленная опара в большой толстой кадке. Но ни яркий свет, ни пение и крики птиц, ни общее пробуждение жизни, – ничто не нарушало дремотного комнатного покоя.

Вдруг, как это всегда бывает, внезапно, бодро и даже радостно, затрезвонил будильник. Казалось, все должно подпрыгнуть, заходить ходуном в комнате, пробудиться, как уже пробудилась жизнь за окном, – но не тут-то было. Будильник трезвонил и трезвонил, надрывался, захлебываясь своим громогласием, а спящий на кровати Мишка даже не пошевелился. Будиль-

ник звонил не переставая, – но все его потуги уходили в пустоту, в никуда.

– Вот ведь как его долбануло, – не выдерживал Иван Петрович, Мишкин отец, ставя на стол чашку с чаем и бутерброд.

Они сидели с женой на кухне – завтракали.

– Из пушки пали – не проснется. Как уши ватой забило. И ничего не сделаешь.

Иван Петрович отодвинул от себя тарелку, задумался.

– Может током его стукнуть? Подвести провода к заду, допустим, – у него и пройдет, а?

– С ума сошел – током?! Родного сына током калечить...

46 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

Жена, Нина Алексеевна, нахмурила брови.

– Током-то от заикания лечат.

– Надо же чего-то с ним делать. Ведь опять проспит на работу.

Иван Петрович почесал затылок.

– Мишка, мать твою! Мишка, вставай! – крикнул, что есть мочи, Иван Петрович, входя в комнату.

И звон будильника, и Мишкино мучительное пробуждение, и утренняя война Ивана Петровича за это пробуждение продолжались уже месяца два, как Мишка вернулся из армии и устроился на работу. Война эта уже порядком измотала Мишкиного отца, и только у матери хватало терпения не ругаться на Мишку.

– Опять ты со своей «матерью», – сердилась Нина

Алексеевна. Чего ты к ребенку пристал. Пускай поспит.
– Какой он ребенок – на войне был.

Нина Алексеевна с нежностью и жалостью смотрела на Мишку, вернее на одеяло, которым тот был укрыт с головой. Вздохнула и сказала:

– Эти душманы его повредили. Он же контуженный
– пусть поспит.

Отец Мишки, Иван Петрович, работал на автобазе механиком, и голос имел – будь здоров. Он перекрикивал рев мотора грузовика, если было нужно, – но не мог каждое утро сразу разбудить Мишку. Его это даже бесило. И он часто пихал сына кулаком в бок.

– Он медалью награжденный, а ты его кулаком в бок, – сердилась Нина Алексеевна.

– Так ведь на работу-то опоздает, – в ответ сердился и на жену и на Мишку отец.

А еще Мишка часто будил их по ночам: ему снился один и тот же кошмар, и во сне он кричал.

«Перевал проходят», – проснувшись от Мишкиного крика, комментировал Мишкин сон отец.

«Еще не доехали», – отзывалась мать.

«Доехали. Слышишь, крикнул: тормози».

Контуженный 47

Они знали наизусть весь Мишкин кошмарный сон.

«Щас шарахнет», – как будто о много раз виденном в кино эпизоде, говорил Иван Петрович.

Там и впрямь «шарахало» – в Мишкином сне. Потому что Мишка последний раз вскрикивал, как от боли. Потом Мишка изнеможенно замолкал, крепко засыпая, и только чуть-чуть как-то тихонько и жалобно посапывал.

Мать с отцом еще какое-то время лежали не засыпая, и думали каждый о своем.

Мать боялась за здоровье сына: что «эта контузия не дает Мишке жить нормально». И задавалась вопросом: пройдет это у него когда-нибудь или нет.

Отец же втайне гордился, что сын был на войне. Он узнавал у знакомого доктора про эти Мишкины крики во сне. И тот сказал, что рано или поздно все это пройдет. «Хорошо, еще что тремора нет», – думал Иван Петрович. Он вспоминал, как после войны на их улице жил Ванька Трясунок. У контуженного на войне у того постоянно тряслась голова. Черт знает, как он так жил с постоянно трясущейся мелко в разные стороны головой. Ванька ходил с мешком – собирал бутылки, и, конечно, пил. И, наверно, нельзя ему было пить-то. А он все равно пил. Наверно, не мог иначе. На мятом пи-джа-чишке его всегда болтались две медали. Они, соп-ляки еще, конечно, смеялись над ним и дразнили, недоумки.

Отец пытался представить: как все это было с

Мишкой? Как тот ехал за рулем в колонне машин. Как душманы-афганцы устроили засаду и обстреливали колонну. И – как рассказывал Мишка – вокруг рвались мины и всюду свистели пули. И как Мишку оглушило и контузило взрывом, уже когда он выскочил из кабины своего ЗИЛа. Но представить это было трудно. Ему не довелось побывать на войне. Войны на их земле уже

48 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

давно не было. А эта война шла где-то далеко-далеко, и было о ней мало что известно. «И не понятная ведь война-то, – думалось Ивану Петровичу. – За что воевали?»

И на его лице явственно отражалось все это. Оно становилось озабоченно-озадаченным. «А если бы Мишку привезли в гробу?» – с ужасом думал он. В глухом, цинковом, который не откроешь и не взглянешь, что там внутри.

«Однако, Мишка вон он, живой», – прерывал каждый раз свои мысли Иван Петрович, когда Мишка пробегал, все же проснувшись, в трусах и босиком в туалет, – и выходил из своего задумчивого состояния. И

лицо его смягчалось, резкие черты его разглаживались. Он даже хотел сказать каждый раз что-то вслух – жизнерадостное и жизнеутверждающее. Но только крякал

как-то утробно, слыша, как в ванной плещется Мишка; умывается и бреется – живой и здоровый, только немного контуженный.

Сам Мишка, с трудом пробудившись, еще некоторое время сидел на кровати, приходя в себя. Перемещался оттуда, из чужой страны в свою. В этот момент он испытывал нечто вроде катарсиса – чувства свободы от всего плохого. Потом вскакивал, вспомнив, что в своей стране тоже не все сахар. Что нужно бежать на работу. И хоть не как там, в чужой стране, – а нужно и здесь бороться за существование.

– Ну как? – стоя у двери и с любопытством глядя на Мишку, спросил отец, когда Мишка уже одевался.

– Как всегда.

– Стреляли?

– Стреляли.

– А взрыв был?

– Был.

Отец глядел на Мишку.

– Иди, ешь.

Контуженный 49

Мишка быстро проглотил все, что было приготовлено ему из завтрака, выпил залпом горячий чай и выбежал на улицу.

– Да-а... – сочувствующе глядя вслед Мишке, сказал Иван Петрович.

А Нина Алексеевна, Мишкина мать, ничего не сказала, только вздохнула.

Родной Мишкин город – был город древний. «Подумать только – основанный в тыща сто пятьдесят четвертом году!» Мишка бежал вниз по Загорской и всегда смотрел на высокий земляной вал, окружавший кремль, на купола собора внутри вала. Пытался представить, как жили тут древние люди, когда не было еще машин и самолетов, а люди ездили на лошадях и телегах.

Утро было светлое, солнечное и теплое – обыкновенное летнее.

На бегу Мишка радовался утру. И солнцу, поднимавшемуся на безоблачном небе, радовался. И вообще, просто радовался – радовался жизни. После пугающей, стреляющей и грохочущей ночи, утро было для него избавлением. Он будто заново рождался каждое утро – потому радовался просто и доверчиво, как мальчишка. Прوماхнув Загорскую, он впихивался в первый попутный, до Заречья, автобус. Двери клацали упруго за самой его спиной. И так, вдавленный в живую людскую массу (автобус был всегда битком), Мишка катил минут десять до окраины города. Но и это нравилось Мишке – не нужно было держаться за поручни.

В автобусе Мишке пришло в голову то, на что он не обратил внимания, когда проснулся и встал. После сна с нападением на колонну, после того, как рядом с ним разрывалась мина (а именно этот сон все снился и снился Мишке – как его «шарахнуло»), – после этого он видел Маринку. Сон его разделился надвое. И Мишка обрадовался. Его кошмарный сон рано или поздно вы-

50 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

давится другими снами. Ведь сны – это новые впечатления. Рано или поздно новые впечатления заменят старые, рассудил Мишка. Процесс пошел. Не все же сниться одному и тому же, причем неприятно-страшному.

Да, Маринка. Снилась Маринка. Уже месяц они встречались. После работы бродили по городу, ходили в кино, в кафе. И было хорошо с Маринкой: и гулять, и болтать, и есть мороженое. Теперь весь мир для Мишки был определенно в образе Маринки. В ее чуть раскосых серо-голубых глазах. В светлых, пушистых, с мелкими завитками волосах. В ее светлой улыбке и задорном смехе. Мишка с уверенностью подумал: Маринка перебьет этот его ночной кошмар – и будет сниться только она одна. Нет, ему определенно с ней повезло – что он ее встретил. Это не то, что госпитальная

психотерапия: «Думайте только о хорошем и, ни в коем случае, о плохом...» Маринка лечит сама по себе – фактом своего существования. Он чуть не проехал остановку. Выскочил из автобуса. «И грянули трубы, и забили барабаны. И полки двинулись на неприятеля – быть может на верную свою гибель», – процитировал он про себя классика, потому что опаздывал, и ему могло влететь. Он подхватился и побежал. Ему бы еще в руки автомат – и получилось бы очень похоже с только что вспомненными словами.

До ворот с надписью поверх них – «Автошкола ДОСААФ», Мишка добежал запыхавшись. Развод уже закончился. Из ворот выезжала первая машина. Двор старой купеческой усадьбы был пуст. Курсантов-призывников загнали в классы, которые размещались в бывшем двухэтажном доме купца Толченова.

Мишка быстрым шагом, озираясь – не попасть бы на глаза полковнику – начальнику школы, – прошел мимо диспетчерской и свернул к гаражным боксам.

Контуженный 51

Зашел в калитку ворот, прошелся вокруг своего ЗИЛа, оглядывая – не спущены ли баллоны. Забрался на бампер, открыл капот, вытащил и засунул обратно щуп

уровня масла, глянул в радиатор. Закрыв капот, погладил его рукой, как делал всегда перед выездом там, в Афганистане. Залез в кабину, завел мотор и выгнал машину из ворот.

– Ко мне? – спросил Мишка ждавшего у ворот парня.

Тот кивнул.

– Вались.

Парень сел за руль. Мишка перебрался на пассажирское сиденье.

Подъехали к диспетчерской.

– Не глуши, – сказал Мишка, – я сейчас.

В диспетчерской было пусто. Тетя Маша, выписывая путевку, серьезно предупредила:

– Смотри, полковник рвет и мечет.

Потом рот её разъехался в улыбке.

– Невесту завел? опаздываешь-то? Хорошенькая?

Опять проспал-то. Ух, Мишка.

– Я на вашей дочке женюсь, тетя Маш, – отшутился Мишка.

– Так она еще в школе учится, – удивленно посмотрела на Мишку тетя Маша.

– Я подожду. Хорошо хоть учится-то?

– С одной тройкой девятый закончила.

– Тогда не женюсь.

Тетя Маша коротко хмыкнула.

Мишка вышел из диспетчерской и, на беду, наскочил на полковника.

– Малинкин, ну-ка, идите сюда!

Полковник стоял – руки за спину – и смотрел на Мишку с презрением.

Полковника боялись. Он еще не отвык от армии, и наводил и здесь армейские порядки. Все полковники

52 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

злые, думал Мишка, потому что им не дали генерала. Особенно отставные. Они привыкли командовать, а на гражданке командиров не любят – командиров с безапелляционно-муштровым уклоном. Он и ходил-то, начальник школы, как павлин – чинно, как будто перед строем; и смотрел на всех оценивающе-надменно, высоко держа подбородок. Впрочем, Мишка не то что боялся полковника – он не любил, когда на людей давят с высоты своей должности. Все замечания в свой адрес Мишка терпел стоически-равнодушно. «Видали мы полковников...»

– Вы чертовски не пунктуальны, – сказал он зло, когда Мишка подошел. – Вы опаздываете. Вы срываете график выезда... – И так далее и тому подобное, – стал отчитывать он Мишку.

Мишка почувствовал себя кроликом, оказавшимся

перед разинувшим пасть удавом.

– Какой пример вы подаете курсантам. Ваши курсанты будут такие же раздолбай, как и вы.

– А чего мои курсанты... мои курсанты – лучшие, - выпалил Мишка: ему стало обидно.

«Лучшие» – ехидно передразнил полковник и побагровел от Мишкиной наглости.

Несколько секунд полковник не мог ничего сказать.

Наконец он, видимо, что-то придумал.

– А ну-ка едем, – вдруг не то со злостью, не то с азартом сказал он. – Давай на автодром. Я за тобой.

Полковник повернулся и пошел к стоявшему у ворот УАЗику.

Мишке показалось, что он погружается в болотную трясику. Замысел полковника был ясен: завалится сейчас курсант на полосе препятствий – и полковник вы-ши-

бет его, Мишку, из школы. Прав будет полковник или не прав, думать об этом ему было некогда. Ему только из школы вылетать не хотелось: работа ему нравилась.

Контуженный 53

Мишка залез в кабину и пристально, оценивающе посмотрел на сидящего за рулем парня. Парень был, в общем-то, ничего – смышленный. Мишка помнил –

они уже катались.

– Трогай, – сказал Мишка.

Машина вздрогнула и мощно пошла вперед.

– Ты на войне был? – спросил Мишка.

– Нет, откуда?! – парень застенчиво улыбнулся и тоже посмотрел на Мишку.

– Сейчас будешь.

– Как это?

– Видал, как он меня?.. – имея в виду распекавшего его, Мишку, полковника, спросил Мишка.

– Видал, – парень включил поворотник, вывернул руль влево и уверенно повел ЗИЛ в сторону автодрома.

– «На войне как на войне», – выговорил Мишка название понравившегося ему фильма и надолго замолчал, потому что от него теперь ничего не зависело; а зависело все теперь вот от этого худенького, курносо-го паренька.

Мишка хотел заехать сначала через разные там

«горки, «эстакады», «въезды в гараж» и «водные пре-грады», – но полковника не проведешь.

– Давай на «восьмерку», – сказал тот с сосредоточенно-ухмылистым выражением на лице. Таким Миш-

ка его еще не видел. Тот даже помолодел, что ли.

«Восьмерка» – самое сложное. Тут нужно чувствовать габариты. Это как крокодилу залезть в узкий извилистый лабиринт. Снаружи и изнутри восьмерочного периметра – деревянные вешки на кронштейнах; чуть

задел – и она отклоняется. Провести через них кажущийся неуклюжим «сто тридцать первый» очень сложно.

– Ну, брат, выручай, – забравшись на подножку, в окно говорит Мишка парню и спрыгивает. – Еще добавляет: – Не торопись, смотри по крыльям.

54 Алексей ДЬЯЧКОВ

Тут уж либо ты доверяешься человеку во всем, закрыв да же, может, при этом глаза, либо каешься, упав на колени перед врагом, и молишь о пощаде. «Нет уж! насчет второго – дудки!»

Легко, с горы урчал мотор. Вовсю светило солнце. В кабине было жарко. Но Мишке было хорошо и легко. Ему хотелось петь. И он спел:

«Из дома ехали куда-то мы на юг,
Не зная – ждет нас впереди большой каюк.
Там много солнца, мама, там очень жарко
И никому там, мама, нас не жалко».

Даже и не спел, а почти прокричал куплет песни, сочиненной кем-то там, в Афганистане.

– Ну, брат, выручил, – весело сказал Мишка парню. – Я думал – не выкрутишь. А он выкрутил. Ни одной не задел. Молоток. Теперь полковнику нас не взять, – как-то

ожесточенно-радостно выговорил Мишка. – Я тебе бутылку коньяка куплю.

Парень тоже был веселый. Бодро крутил руль.

– Да не надо, я ж не пью, – сказал он.

– Ну, бате твоему, или на провода оставишь. Я тоже до армии не пил. Совсем. Даже пива. Даже на проводах – ни-ни. А в армии, бывало, выпивал... Бывало – стресс снимали... Хотя в армии тоже не пей, – подытожил Мишка. – Если только туда попадешь, то тогда уж...

– Куда?

– Где жарко, – сказал Мишка задумчиво.

Потом встрепенулся, опять повеселел.

– А все-таки как мы его! Уехал и слова не сказал.

Утерли мы ему нос.

Мишка засмеялся, вспомнив лицо полковника – удивленно-озадаченное.

– Ну, раз мы с тобой оба не пьющие, то поехали хоть квасу напьемся, – скомандовал Мишка, – у меня что-то в горле пересохло.

Контуженный 55

Тяжелая машина бежала легко, упруго сопротивляясь неровностям дороги. В кабине пахло нагретым асфальтом, тополиным клейким листом.

– Надо жизни радоваться, – сказал Мишка, когда они

выпили по кружке кваса. А не будешь радоваться – она скиснет, как молоко на жаре, превратится в простоквашу. Тогда уж, конечно, чего радоваться... Нет ничего хуже кислой жизни, понял? Я раньше не радовался. Еще два года назад – не радовался. Думал: живу и живу – ну так и надо. Жизнь моя была такая... вялотекущая – ну, как сгущенка.

Они опять залезли в кабину. Парень дал газ. И они покатали по Профессиональной – самой длинной и прямой улице города.

– Вообще ты не грузись. Это я так, от переизбытка, – сбавил Мишка пыл своей речи.

– Жизни? – улыбнулся парень.

– Чего жизни? – не понял Мишка.

– От переизбытка – жизни?

– Ха! Точно! Жизни.

Все Мишкины маршруты, когда он сажал курсанта за руль, лежали к воде.

За два года он так изнемог от жары, от жажды и от постоянного желтого пейзажа вокруг, что его тянуло к воде, как магнитом. Наскоро раздевшись, он сигал в воду, как пацан: быстро подбегал к кромке воды, нырял с разбегу. Всем телом, каждой его клеткой ощущая, впитывая в себя прохладу. Долго плыл под водой. Потом переставал шевелить руками и ногами и медленно

всплывал, испытывая полное блаженство. Всплывал, некоторое время быстро плыл, загребывая саженками. И только потом поворачивал и медленно плыл к берегу.

– Как, брат, хорошо жить? – спрашивал он томящегося на берегу курсанта.

56 Алексей ДЬЯЧКОВ

– Наверное, хорошо, – неопределенно отвечал тот.

– Я вот тоже раньше не знал, что хорошо... А теперь знаю – хорошо.

С мокрых волос его стекали на лицо капли воды. А ветер приятно охлаждал мокрое тело. И Мишка еще долго стоял не шевелясь, глядел на воду и на зелень берегов...

– Миш, видишь как красиво вокруг?

– Вижу.

Был вечер. Мишка с Маринкой сидели на берегу пруда, – он и с Маринкой старался встречаться на берегу водоема.

– Видишь? видишь? видишь? – как-то задумчиво и расслабленно переспросила Маринка.

– Вижу, вижу, вижу, – тоже задумчиво ответил Мишка. Ему было хорошо сидеть, обнявшись с Маринкой.

– Нет, ты скажи: что ты видишь?

– Я вижу, что мир прекрасен, – Мишка повел рукой слева направо, мол, конечно, отличный вид на мир открывался им со скамейки, на которой они сидят. – А в центре этого прекрасного мира...

– Что?

– Не – что, а – кто.

– Кто?

– А в центре этого прекрасного мира – самая красивая девушка, которая...

– Какая – что?

– Какая ослепляет меня своей красотой как...

– Как – что?

– Как солнце.

– Как солнце?

– Нет, – поправляется Мишка, – как сто солнц.

Маринка покраснела и зажмурила глаза.

– Как сто?

– Нет, как – тысяча, – с пафосом говорит Мишка.

Контуженный 57

Маринка коротко целует Мишку в губы. И смотрит ему в глаза.

– Миш, давай поженимся.

– Давай, – просто соглашается Мишка.

– Правда?

– Правда.

– А то сидим тут, целуемся, как маленькие.

Маринка улыбнулась. А Мишка сделал серьезное лицо. Что-то тревожит его.

– Только ты знаешь, – сказал он...

– Что?

– Я ведь – контуженный. Я кричу по ночам. Мне все время снится плохой сон.

– Тебе снится Афганистан?

– Да.

– Ничего. Я тебя разбужу и скажу, что ты уже дома. И ты успокоишься. И обнимешь меня и поцелуешь, и опять заснешь. И скоро это у тебя все пройдет. Да?

– Конечно, – опять соглашается Мишка.

Они еще некоторое время сидят молча, привыкая к новому своему состоянию – уже вроде как жениха и невесты.

– Решено, – вдруг строго сказал Мишка, – завтра идем и подаем заявление.

– Да, – согласилась Маринка.

Солнце уже слезло со своего небесного трона, зацепилось нижним своим краем за макушки деревьев, росших на другой стороне пруда. И словно подглядывало, перед тем как окончательно уйти за горизонт, за Мишкой и Маринкой...

Назавтра Мишка отпросился с работы пораньше.

Маринка тоже отпросилась.

Мишка был серьезен. Он даже не улыбнулся, когда увидел Маринку. А она была слегка взволнована торжественно-рассеянна, в красивом платье и очень бледная.

58 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

Они даже не поцеловались, как это бывало обычно.

Они оба были как перед пропастью. Как перед прыжком в пропасть. Еще шаг – и полетят куда-то в счастливую неизвестность.

Мишка застегнул верхнюю пуговицу на рубашке.

– Паспорт, – сказал он, взяв Маринку за руку: он чувствовал себя старшим и ответственным.

– Что? – спросила рассеянна Маринка. Поняла, о чем спросил Мишка, и достала из сумочки паспорт.

– Так, – протяжно и устало и все же подобающе торжественно сказала женщина-регистратор, средних лет, полноватая, с темными, завитыми в крупные завитки волосами, – значит, решили, так сказать, объединить, создать и всякое такое. Да?

– Да, – согласно кивнули Мишка и Маринка.

– Итак, – пробежала глазами заполненные женихом и невестой бланки, заглянула в паспорта, – ваше торжественное бракосочетание назначается на... – и назвала

дату: день и время этого самого бракосочетания.

– Как в девять, – опешил Мишка, – а попозже, ну, ближе к обеду...

Женщина-регистратор извинительным тоном, и опять же устало, сказала, что они – Мишка с Маринкой – не одни, что все расписано у них по минутам, что все хотят, так сказать вступить в законный брак.

– Знаете, сколько народу, – сказала она. – А ЗАГС – не резиновый. – Сказала и вздохнула. Будто и впрямь сожалела, что их ЗАГС не резиновый...

– Ты родителям сказал?

– Нет. А ты?

– И я – нет.

Мишка с Маринкой неторопливо брели по улице и изредка рассеянно улыбались друг другу. Они чувствовали, что сделали что-то серьезное, какой-то важный шаг в своей жизни, но еще не могли полностью осознать этого.

Контуженный 59

– А если они будут – против?

– Думаешь, будут?

– Не знаю.

– Ну и что! Если они будут против, то я тебя украду!

Маринка хихикнула:

– Как чечен?

– Хуже. – Мишка тоже хихикнул.

Маринка засмеялась.

– Только не на коне, – весело сказал Мишка, – а на машине. На грузовике. Ты как: не против?

– Кражи или грузовика?

– И того и другого.

– Балбес ты, Мишка. Не будут они – против. Они будут рады. Они будут счастливы.

– Как мы?

– Как мы.

– Думаешь?

– Уверена...

Утром в Мишкиной комнате как всегда зазвонил будильник. Звонил, трезвонил – нетерпеливо, не оставиваясь, как будто его щекотали в подмышки. Жених под одеялом не шелохнулся.

– Мишка! – прокричал отец. – Мишка, вставай!

– М-м... – промычал Мишка не в силах подняться.

– Жених, мать твою. Мне что ли за тебя жениться?!

– сердился Иван Петрович, завязывая перед зеркалом галстук.

– Я тебе женюсь, – крикнула из кухни Нина Алексеевна. – Пусть еще поспит.

– Куда поспит, – возмутился отец. – Нет, я умываю

руки, – пусть остается холостой. Сейчас уже придут ребята... А еще невесту выкупать, и всякое такое... Думаешь ее тебе так просто отдадут? – не то к Мишке, не то к жене обращался Иван Петрович. – Шиш с маслом! Гони тити-мити, – он потер друг о друга большой

60 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

и указательный пальцы, будто растирал чего-то между ними, – да еще бутылку или две. Такой торг разведут. А это – время. Вот, я же говорил.

В коридоре затрезвонил входной звонок.

– Отец, открывай! – крикнула из кухни Нина Алексеевна.

Иван Петрович открыл дверь. На пороге, сияющая, стояла Маринка. Была она красива – просто неотразима: в белоснежном свадебном платье, с диадемой-коронай на голове.

Иван Петрович аж зажмурился от этой ее красоты, и не мог сказать ни слова. Потом опомнился, подумал:

где это видано, чтобы невеста заезжала за женихом – все с ног на голову! Непорядок получался в свадебном обряде. Ну и ну!

– Здравствуй, дядь Вань, – сказала, как пропела, Маринка.

– Спит?

– Спит, ничем его не проймешь, – сказал и развел руки в стороны Иван Петрович: мол, сделал все что

мог.

– Ну, ничего. Сейчас я его разбужу.

Маринка прошла, прошелестев своим нарядом в Мишкину комнату.

Иван Петрович прошел на кухню.

– Приехали? – спросила Нина Алексеевна. Она готовила какой-то свой фирменный соус для свадебного стола. – Не разбудил? – вытерла руки о фартук. – Пойду будить.

– Не надо, – сказал Иван Петрович и сел за стол. – Отмучились, мать. Его теперь есть, кому будить. – И как-то глупо улыбнулся.

61

СТЕПЕНЬ СЖАТИЯ

В маршрутке было почти пусто. Водитель лихо гнал микроавтобус по извилистой дороге. Переключал, тыкая пальцем в кнопки, музыку в магнитоле, видно искал какой-то канал.

Егор глядел в окно и щурился от яркого солнца, косыми утренними лучами бьющего в лицо.

Когда я вырасту, все у меня будет хорошо, думал

Егор, когда был маленький. И эта надежда, почти мечта, не давала ему отчаяться, упасть в пропасть уныния, пустоты. В детдоме он забивался в какой-нибудь дальний угол,

где его никто не видел, и мечтал: «Да, все будет хорошо!»

Теперь он почти не помнил всего из того, о чем мечталось – всё то было уже так далеко. И только та мысль, что – да, что – именно «будет», – жила в памяти и всплывала иногда, и Егору становилось от этого грустно.

Нет, он ни о чем не жалел, он давно уже приучил себя ни о чем не жалеть. Лишь было внутри ощущение неправильности того, как он живет теперь, что кольцо жизни постепенно сжимается жестким обручем вокруг него, как будто хочет сжать и раздавить совсем.

Егор сошел с маршрутки. Некоторое время, отойдя от остановки, постоял, думая, в какую сторону ему пойти.

Поселок тянулся вдоль довольно оживленного шоссе. В обе стороны от него отходили улочки, застроенные панельными пятиэтажками, кирпичными домами – в три, в два этажа. Окраины скрывались в зелени огородов, за заборами частных участков. Те граничили с длинными, тесными рядами гаражей и сараев, а дальше тянулись поля, поля...

62 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

Шум, исходящий от трассы терялся, смолкал уже за

первыми домами, за кронами высоких деревьев, тонул в листве разросшихся кустов во дворах и вдоль дорожек. Побродив недолго, Егор подошел к выбранному им дому, остановился невдалеке от подъезда. Закурил, делая вид, что скучая, ждет кого-то. Напуская на свою физию равнодушие и отрешенность, ждал, когда кто-нибудь подойдет к подъезду или будет выходить из

него. Впрочем, это потом – обычно сначала он останавливался в стороне, пробегал взглядом по этажам, отмечая в памяти приличную квартиру. В разряд приличных входили квартиры с пластиковыми окнами,

отделанным, застекленным балконом. Неплохо, если на стене висела тарелка антенны и шкаф кондиционера. Все как всегда. Все уже многократно повторялось – как в пленке с напечатанным во множестве во всю ее длину одним единственным кадром.

Кончалось утро, начинался день. Границы и того и другого всегда смазаны разнообразием субъективной неопределенности. Ведь, в сущности, никто так и не определил точной границы, точного времени перехода утра в день. В общем, было то самое подходящее время, когда вроде бы все успокаивается – и в доме, и вокруг него. Все, кому нужно было на работу или по делам – трудились или занимались делами, покинув свою квартиру. Часть квартирантов где-то отдыхала – на даче или на курорте. Нет еще бабулькиных посиделок на

лавочке у подъезда и бдящих каждого прохожего. Было то самое неопределенное время затишья между утром и обедом...

Всходило солнце, поднявшись достаточно высоко.

И уже довольно нагрело все вокруг. И было ясно, что этот июньский день будет, как и вчерашний, жарким. Позднее утро – все же определил Егор то, что свершалось в природе на его глазах.

Степень сжатия 63

Несмотря на внешнее спокойствие, все же можно было заметить в нем некоторую настороженность и опаску, когда он, вроде невзначай, взглядывал по сторонам.

«Все нужно делать быстро, легко, – говорил когда-то Кречет. – Будешь долго думать, выбирать – обязательно влипнешь».

Однако пространство перед домом было безлюдно, никто не выходил и не входил в подъезд. Но долго торчать вот так на виду было не правильно.

В последнее время все получалось тяжело. Много «пустых» квартир. Неудачи бывают. Но теперь (он чувствовал) они были не случайны. Опять пришла мысль, что вокруг него сжимается кольцо. Невидимое, оно сдавливает грудь и становится трудно дышать и

думать. «Нервы это или предчувствие?» Он хотел разобраться, но мысль петляла невпопад — как будто тычешь-тычешь и не можешь попасть иголкой в игольное ушко...

В городе было шумно от машин. Они тыркались в тесном уличном потоке — разгонялись, тормозили, стараясь потеснить друг друга, опять разгонялись, опять тормозили. Светофоры. Заторы. Нервные гудки зазевавшимся пешеходам. И только когда вырвались за город, машина с Егором на заднем сиденьи набрала полный ход.

Долго ехали. Проносились навстречу машины. По сторонам возникали и оставались позади дома населенных пунктов, сами населенные пункты. Поля чередовались с лесными опушками. На все это Егор глядел равнодушно. Внутри было пусто. Как будто из комнаты, в которой жил и к которой привык, вывезли всю мебель. Да и комнаты уже нет.

Наряду со старой, рождалась внутри новая злость — на людей, что его везли, на судьбу, на весь мир, красивый снаружи и жестокий внутри.

64 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

Часа через два въехали в какую-то деревню. Машина перестала подпрыгивать на ухабах грунтовой доро-

ги. Затих мотор.

– Красота, – сказал водитель, молодой парень с наглым довольным лицом.

Он первым вышел из машины и потянулся упруго, выставив руки в стороны, задрав вверх наглое лицо и зажмутив глаза от солнца.

– Курорт, – сказал другой, шурша бумагами. Этот был старше, с самодовольным лицом и повадками де-ля-ги-коммерсанта.

– Я бы и сам тут жил. Повезло тебе.

Десяга тоже вылез из машины, потянул ноздрями воздух, долго не выдыхая.

Егор не глядел на них и ничего им не отвечал. Они почти силой вытащили его из машины – он не сопротивлялся, он как будто спал. И все же, когда его вытащили, огляделся вокруг как оглядывается человек, оказавшийся на необитаемом острове.

Несколько домов в ряд – серых и неказистых деревенских изб. Старые ветлы, раскинувшие далеко в стороны крючковатые, с редкой листвою, ветви. Заросшее травой и кустарником поле, уходящее вдаль и там со-единенное с небом.

Водитель и десятиа довольно переглянулись друг с другом.

Десяга сунул в руки Егору документы – несколько бумажных листов. Нашелся даже ключ, большой с

круглым ухом, какие делали лет пятьдесят назад.
– Вот моя деревня, вот мой дом родной, как сказал поэт, – состриг деляга, показав рукой на деревенскую избу с покосившимся крыльцом, которая предназначалась для Егора, и довольно хохотнул.

Водитель выгрузил из багажника Егоровы вещички. И они укатили. Егор стоял некоторое время недвижнотупело, как будто ожидая еще какой-то каверзы от

Степень сжатия 65

жизни. Прошлое кончилось – начиналась другая, новая жизнь. Все как будто замерло вокруг него – пространство, время и сама жизнь.

Егор отпер ключом ржавый навесной замок на двери. Зашел внутрь, понимая, что жизнь второй раз стукнула его по голове (первый был, когда остался без родителей). Сел на лавку возле огромной, серой, давно не беленой печи. Детдом, в котором он пробыл тринадцать лет, казался далеким и смутным отрывком жизни. Хотелось есть. Возникло желание встать и уйти.

Податься опять в город.

Жить тут можно, подумал Егор, разглядывая сумеречное чрево избы – бревенчатые стены, большой стол в углу, маленькие окошки, – но как быть со жратвой.

А в голову не лезло ничего. Как будто она чугунная. И по

ней стукнули чем-то тяжелым. И звон от удара, непрекращающийся, тягуче-противный не дает сосредоточиться.

Скрип досок на крыльце, открывшаяся дверь, всунувшееся лицо с внимательными, будто прицеливающимися глазами не сбили Егора с навалившихся на него мыслей.

– Тук, тук, тук, – произнес хриплый голос, насмешливый и немного нагловатый.

Тот, кто стучал, постоял еще немного на пороге и вошел. Огляделся, как и минуту назад Егор, и весело сказал:

– Смотрю кипеш в деревне. А что к чему не пойму. Хозяин, что ли?

– Хозяин, – сказал Егор равнодушно, не глядя на вошедшего.

Вошедший неторопливо, прошелся по кругу, словно пробуя на крепость доски пола. Сказал, остановившись перед Егором:

– Топи печь, мечи на стол.

Егор молчал.

66 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

– С возвращением или с новосельем?

– С новосельем, – равнодушно сказал Егор.

Он все не глядел на вошедшего, он хотел уйти, уехать отсюда.

Вошедший же, наоборот, с интересом глядел на Егора.

– А чё невеселый? Такую хату отхватил...

Егор поднял голову, скользнул взглядом по фигуре гостя, опять опустил.

– Уеду я. Не буду тут жить. Сволочи...

Гость сидел рядом с сосредоточенным, уже не насмешливым, лицом, и тихо ругал нагрянувшее неожиданно смутное время, вытянув из Егора короткий рассказ о его, Егоровой, жизни. Он умел ругаться спокойно, без эмоций.

Потом посидели немного молча. Гость встал и опять прошелся по избе.

– А ты в нос не гунди, – остановился перед Егором. – Сопли выбей. С соплями – не жизнь.

– А жить-то как? – первый раз посмотрел Егор в глаза незнакомцу.

– Как все.

– «Как все»... Жрать-то чего?..

Из-за поворота вышла полная тетка с объемными сумками в обеих руках. И направилась к подъезду. Долго искала ключи. Приставила кнопку-ключ к замку. Замок сработал – открылся. Она с трудом затерлась с

сумками в проем двери. Дверь медленно стала закрываться. Егор быстро подошел, но взгляд его уперся в тетку. Та, развернувшись, придерживая дверь ногой, смотрела из щели на Егора, пристально, с подозрением.

– Ты чего тут, парень? К кому пришел-то?

Подъезд был ее собственностью, ее крепостью. Она была привратником в воротах крепости. И взять ее можно было только приступом.

Степень сжатия 67

Нужно было что-то соврать. Торгуем, мол, тем и тем, тетка. Или: из пенсионного фонда, мол, негосударственного; много их сейчас всяких шляется – «агентов-хладогентов». Но Егор промолчал.

Тетка отняла ногу от двери и та, закрывшись, щелкнула замком. Как будто Егора щелкнули по носу.

Надо было уходить: тетка бдительная – и позвонит, и вызовет товарищей с погонами. Опять вспомнился Кречет. «Если сразу что-то пошло не так – нужно уходить».

Он зашагал вдоль улицы. Ему некуда было спешить. Он расслабился, но внутри была досада.

Люди стали злыми, констатировал Егор, и подозрительными. Люди ставят охранные системы и повешали везде камеры. Стало трудно жить и работать. И

опять Егор почувствовал – кольцо сдавило его еще сильнее.

Утро, переходящее в день, играло желтыми красками. Солнце кидало сверху свет и тепло. Но Егор не замечал этого...

«Народ стал злой, – опять думал Егор. – А кто в этом виноват? Шишки наверху! Шишки дают воровать богатым и сами жируют. И к тем и к другим – не подступись. У всех – электронная наблюдаловка по всему периметру их особняков. Богатые на то и богатые, чтобы добро свое оберегать. Сволочи! Народ видит такую великую несправедливость – звереет. Богатые за гор-бушку хлеба посадят. Бедные – могут убить. Такая, брат, философия нынешней жизни. «Верхи» – могут, и сидят крепко на этом «могут». «Низы» – не хотят. Что-то им не хотящим мешает захотеть – остается звереть». «Что он этой тетке – на мозоль наступил, что она на него как на врага?..»

Кречет не пустил Кольку – не дал уехать. Почти удержав силой.

68 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

– Чё бродяжить. Погоди, осмотришь. Поживи здесь. Чего-нибудь придумаем.

Он накормил Кольку. Накормил от пуза. Так, что тот удивился: среди прочих деликатесов была икра.

– Люблю икру, – сказал Кречет, когда Егор удивленно вытаращился на все, что тот доставал из холодильника. – Память о детстве. Тогда икру хавали, как сейчас пестициды.

В животе стало тяжело. Егор обмяк. И хотя глаза еще жадно таращились на стол, есть он больше не мог. И еще подумал, что Кречет внешним видом не тянет на человека, который вот-так-вот лопаает килограммами икру. На нем были непонятно какого фасона штаны с растянутыми коленками, до полгруды расстегнутая застиранная рубаша, обрезанные – под галоши – сапоги на ногах. Небритое лицо. И только волосы были подстрижены прилично. Было в Кречете – худо-бедно Егор разбирался в людях – несоответствие внешнего вида и, как говорят, внутреннего содержания. Тот был совсем не деревенский.

– Ладно, переваривай. – Кречет встал, воткнул у двери ноги в сапоги-калоши. – Пойду баню затоплю. Попаримся.

Дом Кречета внешне не отличался от других – бревенчатая серая изба под шиферной крышей. Но внутри было уютно. Большая комната с большой печкой. Еще комната – вроде гостиной, с печкой поменьше, с телевизором и множеством книг в нескольких шкафах. И

еще – маленькая, вроде спальни.

После бани Егор уснул – как провалился. Но проснулся рано, недоумеая спросонья, где он. Тут же вспомнил все. И взгляд его снова стал равнодушен. Окно светилось серым проемом. В оцепенелом равнодушии, он опять попытался заснуть, чтобы не думать ни о чем – и не мог. Сон раздражающе не приходил. Тогда он встал, оделся и вышел на улицу.

Степень сжатия 69

Кречет (тот так и назвался Егору при знакомстве, просто – Кречет) сидел на ступенях крыльца и курил, пуская дым в рассветно-мутное, влажное пространство перед собой.

– А-а, – оглянулся он на Егора. – Не спится на новом месте?

Егор промолчал – все давило сейчас на него: непонятный Кречет, сидящий в трусах, в накинутой на плечи телогрейке и всунутыми наголо в кирзачи-калоши ступнями, утро, хмурое и недоброе, и, больше всего – неопределенность теперешнего его положения.

– Иди, пройдишь по деревне, осмотришь.

Кречет встал, пристально-колючим взглядом поглядел Егору в глаза – словно притянув к себе и тут же оттолкнув. – Потом чай будем пить.

В полную воды бочку стукнулась капля с крышного слива. Егор черпнул ладонью и брызнул в лицо водой. Смахнул прохладную влагу рукавом. И все еще видел перед собой лицо Кречета, с таким колючим, казалось, хищным взглядом, за который его, наверно, и прозвали именем хищной птицы.

Деревня спала, или, казалось, что спала. Было тихо. Он пошел по дороге, разбито-колейной и лужистой от прошедшего ночью дождя. Тишина не обманывала. Егор увидел: многие дома заброшены. Да и было их немного. Редкие, темно-серые хмуро глядели на Егора своими глазами-окнами. На толстой старой ветле сидела ворона. Тоже, как Егор, спросонья недобро оглядываясь вокруг. А увидев Егора, любопытно уставилась на него: видно и человек был здесь в диковину. Другой дом. Другой подъезд. У двери закурил. А внутри все напряжено.

Через какое-то время дверь подъезда открылась. Молодой парень с несвежим лицом – небритый и видно только со сна – вышел из нее. Пахнуло перегаром. В руках – пустой пакет. И Егор подумал про парня: ско-

70 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

рей всего в магазин, за опохмелкой. Такому все равно, кто ошибается у подъезда, – у него душа горит и сохнет. И это

хорошо.

Парень скореньким неверным шагом поковылял по дороге в сторону центра. Шевельнулась мысль, что тот может быстро вернуться. Но все уже завертелось во внутреннем Егоровом механизме – сосредоточенном, но все же азартном.

Дверь была железная. С выдавленным даже каким-то рисунком. Бедные таких дверей не ставят. А замки – как учил Кречет – это не помеха. Любой замок можно открыть.

Звонок внутри квартиры отзывался на нажатие кнопки затейливой веселой мелодией. Раз, второй, третий. Звуки тонули в пустоте. Отмычка заползла в личинку и должна была провернуться. Но...

– Я тебе поковыряюсь, – прозвучало вкрадчиво за дверью. Не поймешь, с какой интонацией – то ли с угрозой, то ли с испугом. – Я сейчас в милицию позвоню, ворюга.

«Вот-так-так, – Егор быстро сбежал по лестнице. – Вот, жук! Мог бы на звонок ответить. Дома я, мол. Нельзя ко мне. Занят». – Зло цедил Егор, быстро уходя за дом, скрываясь в кустах.

Неудачи бывают, думал он. Но в последнее время – он чувствовал – они были не случайны. Опять остро почувствовал – кольцо сжимается все туже...

Уже часто деревню накрывали обложные осенние дожди. И холодными утрами слышался журавлиный крик. Журавли снимались с местных болот, кружили недолго, прощаясь с окрестностями, и улетали. Егор остался в деревне, хотя все еще обида и ёжистая злость трепали его за холку.

Кречет не то втолковывал Егору, не то больше размышлял сам с собой:

Степень сжатия 71

– Обижаться, конечно, можно. Живут и в обиде. Но разве это – жизнь. Жизнь с обидой – не жизнь.

Лицо Кречета становилось напряженно-спокойным.

– Волка когда-нибудь видел?

– Нет. Ну и что?

– Волка не любят. Травят. А он – не обижается. Он - берет свое. А будешь жить в обиде – станешь собакой.

Видел собаку?

– Видел.

– Собаку жалко. Она не может даже себя прокормить. Хочешь быть собакой?

– Нет.

– Даже кошка – лучше. Кошка мышей ловит, птиц. В общем, сама себе жратву добывает.

В глазах Кречета был лед. Егор поежился.

На колени Кречету прыгнула кошка.

– Мурка, Мурка, – погладил он кошку, и лед в его глазах как будто растаял.

– Вы не любите собак?

– Дело не в любви, – Кречет поморщился. – Мне их жалко. Сделали из волка попрошайку с вечно голодными глазами.

А овчарка?

Овчарка без хозяина – та же попрошайка. Это она с хозяином смелая и гавкает.

И опять лицо Кречета стало жестким.

– Ты в лицо запомнил тех, что тебя привезли?

– Запомнил, а что?

– А то, что не обижаться надо...

В избе было жарко натоплено – Кречет любил тепло, обмолвившись однажды, что намерзся на севере.

По телевизору крутили про ментов. Кречет усмехался:

– Ловко менты вяжут, а? Только в жизни все не так.

Бакланье берут. Настоящий вор вот так ментам не дастся. Я бы этих писак-сценаристов на зону определял

72 Алексей ДЬЯЧКОВ

на год, на два. Им бы там, фраерам, рассказали, как бывает.

Но смотрел все же с интересом, прицелив жесткий глаз на экран. В насмешливом лице его проглядывала злость.

Кречет был почти старик. Худой, но, видно было, таится в нем не разжатая еще до конца пружина жизни.

«Станный все же дядька»,

Айсберг Егоровой жизни как будто вошел в теплое течение. Сидеть на нем холодно – но в лицо подул теплый ветерок. Что будет дальше – неизвестно. Но, спасибо и на этом...

В подъезд он вошел, когда из него вышла уборщица. Войдя, привычно прислушался. Тихо. Пахнет сырым цементом вымытых лестниц – так пахло в детдоме, когда мыли полы. Детдом был где-то далеко, и Егор

старался не думать о нем, не вспоминать. Но запах сырого подъезда помимо воли выдавил воспоминание. И если его не блокировать сразу, не постараться убрать – оно разрастется и не даст думать ни о чем другом. Не даст, потому что там прошли тринадцать лет жизни.

Но этого ему делать не пришлось – наверху заскулила собака. Егор поднялся на третий этаж. Собака

взвизгивала у самой двери: её били палкой, – и попадая, и не попадая. Удары были то тихие, попадающие в мягкое, то громкие, промахивающиеся, попадающие в дверь и в стену. И злой голос выкрикивал ругательства.

Все это хорошо было слышно в подъезде, и Егор - конечно, не нужно было этого делать - нажал кнопку звонка. Звонок не работал. Егор постучал в дверь кулаком. И сразу стало тихо за дверью. А Егор уже не владел собой - как будто это били его самого. Дверь открылась и он, дернув, распахнул ее до конца. Увидел лицо мужика лет сорока, с лицом, с которого еще не ушла злость.

Степень сжатия 73

- Собаку бьешь?! - спросил Егор, хоть было все и так ясно. Но ему нужно было, чтоб мужик сам признал: что - да, бью; чтобы потом уже не задавать ему никаких вопросов.

- Она нассала вон на пол, - предчувствуя нехорошее, сказал тот.

- Выгуливать надо.

- А я выгуливаю, я... - и больше Егор не дал ему ничего сказать.

Егор ударил его с той степенью злости, которая скопилась в нем уже за этот короткий временной промежуток.

Мужик, быстро заваливаясь назад, упал тяжело и мягко своим упитанным телом на пол и не двигался. Егор прикрыл дверь. Осмотрелся: один ли тот был в

квартире.

Все три комнаты были пусты. На кухне на столе стояла бутылка водки.

Егора все еще колотило от злости. «Подонок...» - билось в голове.

Собака, черная с белыми пятнами, кудряво-пушистая дворняга, ушла в комнату, легла в углу и смотрела настороженно. Егор подошел, присел перед ней на корточки.

– Ничего, все будет хорошо. Хозяин у тебя – подонок. Не повезло тебе с хозяином. Но он больше не будет.

Собака смотрела на Егора недоверчиво.

Мужик лежал не двигаясь. Егор испугался: не убил ли? Но – нет, – на его запястье бился пульс; он просто потерял сознание.

Егор прошел опять на кухню, вылил остававшуюся в бутылке водку в раковину.

В коридоре зашуршало. Мужик пришел в себя, постарался встать. Но Егор, подойдя, сжал его горло пальцами руки, глядя ему в глаза прошипел:

74 Алексей ДЬЯЧКОВ

– Если я еще узнаю, увижу, услышу, что ты, гаденыш, бьешь, собаку – я тебя убью. Ты меня понял, подонок?

Мужик зашевелился, перебирая ногами и пытаясь отползти и встать. Но Егор сильней сдавил пальцы. Мужик захрипел, что-то пытаясь сказать, но сказать ничего не мог и только кивнул коротко головой.

Егор разжал пальцы, встал, увидев палку, переломил ее о колено пополам.

– А теперь я пойду. А ты пять минут будешь лежать и думать, что животных бить нельзя.

И нервы расходились что-то в последнее время. Натянулись, звенят, как струны, вытягивают аккордно какой-то не то бравурный, не то похоронный марш. «Так до ручки дойдешь, психом станешь. В психушку кому охота! Последнее дело – в психушку». Кольцо вокруг снова поджалось: почувствовал – труднее стало дышать.

Кречет внушил Егору, что тюрьма – это плохо, и потому волей нужно дорожить. Кто не знает, что тюрьма – это плохо?! Любой сопляк знает! Но кречетовское «плохо» было «высиженным» в буквальном смысле. И потому вошло в Егора крепко-накрепко. Он шел вдоль поселка, дворами. А вокруг шла другая жизнь. Где никто не боялся ни тюрьмы, ни психушки. Люди жили обычной, и, наверно, счастливой жизнью. «Вот бы и ему так».

Кольцо чуть разжалось, когда он представил, как

бы и он жил – как другие. Он дошел до окраины поселка, упершись в ДК – Дом Культуры. С асфальтированной площадкой, с лавочками по бокам, с афишами – бумажными листами в стеклянных витринах. За зданием ДК была хоккейная коробка, справа – футбольное поле. Между ними – сооружение с табличкой «Спорт-бар».

Степень сжатия 75

Или проголодался он, или увидел слово «Бар», - захотелось есть.

Место было тихое, и он поднялся по ступеням, дернул дверь. Дверь поддалась.

Внутри было пусто и тихо. Егору понравилось – он не любил шума.

Он глянул на девчонку в нарядном белом переднике, чем-то гремящую за стойкой. И она, оторвавшись от того, чем была занята, тоже глянула на него.

Она понравилась ему: не зло смотрела, не как на надоедливого клиента, – почти приветливо.

– Борща бы, – сказал Егор, хотя запаха борща не учуял, но почему-то захотелось ему борща.

– У нас первого нет, – сказала девчушка, чуть приподняв ресницы. – Солянка с мясом... правда, вчерашняя. Разогреть?

– Разогреть, – легко и быстро согласился Егор, и весело посмотрел в светлые приветливые глаза.

Кольцо еще немного разжалось. Ему хорошо было сидеть в полумраке зала. Девчушка хотела включить свет, но он сказал, что не нужно...

– Правило номер один, – говорил Кречет, – не связывайся ни с какой шушерой – работай один. Погоришь – с кем-нибудь свяжешься. Но это, – осекался он, – это я так... А вообще: двигай Егорище в машинисты электроваза, – почему-то он уважал машинистов электровазов. – Катишь себе – рельсы сами ведут. А ты смотришь-глядишь: природа – леса, поля; все тебе дорогу уступают... – На, посмотри, – давал он Егору какой-нибудь новый замок, – интересная конструкция. – Егор крутил, вертел «конструкцию», приспособливаясь, какой отмычкой её легче «взять». Но «брал», только после того, как показывал Кречет. Замок в его руках чуть щелкнув послушно засовывал свой язык в массивное металлическое чрево.

76 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

«Нет, что ни говори, Кречет был – спец».

Время от времени Кречет исчезал. Уезжал, не говоря Егору: куда и зачем. Возвращался через несколько

дней, был возбужден, нервен. Устало валился в кресло, и, наказав Егору топить баню, долго полулежал, вытянув ноги и закрыв глаза. Потом шел в баню и долго парился. Егор догадывался, куда и зачем пропадает Кречет, и об этом молчал. Не говорил об этом и Кречет. Егор часто думал, почему Кречет живет в этой глуши. Зимой здесь можно было свихнуться. Зимой сюда, бывало, не проехать на машине. И в магазин: ходить пешком – три километра до трассы. Там, на заправке – магазин. Ведь воля – везде воля, – думал Егор. Но язык в ту сторону не тянул. Значит, есть причина. Зверь живет там, где живет. Живет, где ему хорошо.

Иногда у Кречета собирались люди. Это не была «малина». Люди были солидные, приезжали на дорогих иномарках. И Егор поначалу удивлялся. Потом понял – бывшие дружки. Они звали Кречета в бизнес. Кречет отвечал, что «волк сена не ест». Завязывалась пьянка. Солидные люди превращались в прибалтанных. Напивались и вспоминали бурное прошлое время. Пели песни под гитару.

Кречет пил мало. Ему все это не нравилось. Но он не выгонял гостей. Егор наедался «до отвала» – гости привозили полные баулы дорогой жратвы.

– Смену себе готовишь? – спрашивали у Кречета, тянули Егору стакан с водкой.

– Не болтай лишнего, – отвечал Кречет, отводил от

Егора стакан, – вором он не будет.

На следующий день гости разъезжались в приехавших за ними дорогих лимузинах, еще не протрезвевшие. Лезли к Кречету обниматься и опять звали в бизнес, недоумевая, как он может жить в такой глуши и в такой «хате».

Степень сжатия 77

Вечерами Кречет садился на ступени крыльца и говорил Егору, глядя на заходящее солнце:

«На зоне человек не видит природы; сквозь проволоку чего увидишь? – и замолкал, закуривал и тянул в себя, казалось не дым, а вольный воздух. – Хорошо жить, Егор, а кто не умеет жить, тот... – он долго подбирал слово и не мог подобрать. – Не все могут – не каждому природа дает. Солнце восходит и заходит – и человеку нужно так. Успеть подняться. Высоко чтоб. Перед тем как зайти».

Егор ему верил.

Потом он надолго замолкал. Все смотрел на солнце – на его уже последние проблески меж листьями вишен. Закончил Кречет свое существование на земле резко, без всякой плавности, умер ночью, тихо. Наутро

Егор увидел его белое лицо, впаиванное гипсовым барельефом в подушку, позвонил по двум-трем телефонам,

записанным пьяной рукой кречетовских дружков прямо на обоях в комнате. Дружки приехали, похоронили Кречета пышно на недалеком местном кладбище. И укатили на поминки в Москву, забыв про Егора, не взяв с собой.

Егор, просидев весь остаток дня в раздумьях, на следующий день обшарил весь дом, нашел в подполе кречетовский тайник (не мог такой вор, как Кречет, не иметь загашника). В тайнике были деньги – доллары и рубли, и пистолет – ТТ. Деньги Егор сунул в собранную сумку, а пистолет бросил, проходя мимо, в пруд.

Бог, говорят, любит троицу. И Егор пошел на третий заход. Замок тихо щелкнул. Егор прислушался: было тихо. Надавил ручку – дверь подалась. Он зашел,

опять прислушался. Прикрыл дверь. Медленно тянулась каждая секунда. Он оглядел прихожую, заглянул в одну комнату, в другую – да, квартирка была неплоха,

78 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

и жили здесь явно не нищие люди. И недавний ремонт, и обстановка – все говорило, что чутье его не обмануло. Выдвинул ящик в прихожей под зеркалом – пачка денег, оставленная хозяином на мелкие расходы. Теперь нужно внимательно осмотреться: у такого хозяина

должна быть и хорошая заначка – не на виду, но и недалеко спрятана. На технику не глядел – громоздкого ничего не брал. Думал-представлял владельца – мужчина? женщина? семья ли? дети? А в нос лез запах ле-

карств – не понравилось ему это. Значит, кто-то болен?

Может вот-вот вернуться? Быстрее стал шарить по шкафам – еще пачка денег – в шкафу в баре за бутылками. Тут все. Зашел в другую комнату, по виду спальня. Шкаф выпирает, сразу справа от двери.

– Ты чего, милок? – тихий-тихий голос. Почудилось? – Чего, милок, тут? Иль привиделось, Господи, мне. Вот он прокол – не заглянул за шкаф; нет, не почудился голос: старушечье лицо из-под одеяла торчит – вот кто болен в этой квартире.

Остановился, замер. Нужно бы сразу повернуться, уйти. Но уж больно неожиданно, да и прямой опасности нет.

– Я уж подумала: не архангел мне встретился? Нет вроде, вроде дома я еще, – старуха обвела взглядом комнату и опять стала глядеть на Егора. – Да и ты на архангела не похож, – сказала и вздохнула, как будто даже пожалев, что незнакомец не архангел.

Егор все стоял оцепенело. Бабка гладела на него, он – на бабуку, укутанную в одеяло. В голове его шевельнулась нехорошая мысль: бабка его запомнит. Но ведь это только в фильмах – свидетель умирает. Егор же ни-

кому зла не желал.

– А я думала, кто там звонит в двери.

Бабка устало прикрыла глаза, сглотнула слюну, и опять, открыв их и взглянув на Егора, сказала:

Степень сжатия 79

– Ты меня не бойся. Я уж последние деньки на этом свете досчитываю. Мне ни до каких ваших земных дел думы нету. Мне уж всё архангелы мерещатся – не то мерещатся, не то, взаправду, проводят. Как, мол, ты, бабка, готова переселяться или еще погодишь денек?

На ее лице появилась легкая улыбка.

– Дай воды, – попросила она, – в горле пересохло.

В изголовье у старухи стояли пузырьки с лекарствами, лежали таблетки в упаковках, стоял стакан с водой. Егор взял стакан, протянул старухе, но она не взяла, видно тело уже не слушалось ее. Егор поднес стакан к ее сухим серым губам. Она сделала несколько глотков.

– Спасибо, – сказала она.

А Егору стало и вовсе не по себе.

Вдобавок, стукнула входная дверь.

– Ты стой, ничего не бойся, – сказала старуха, – это сын пришел.

– Мать – это я, – пробасил голос из прихожей, и в

комнату вошел ее сын. Это был здоровый мужичина в форме майора милиции.

Он тут же прицелился на Егора своим цепким, бы-валым взглядом. У него был в руке пакет с чем-то, что он, видать, нес матери. Он положил пакет на стул у двери и, прикидывая все варианты появления здесь постороннего человека, протянул:

– Та-ак. Ну, рассказывай.

Вариантов в его голове было немного. Дверь была заперта. Мать встать и открыть дверь не могла. Оставался единственный: вор.

– Чего, гаденыш, молчишь?! – Мать, а ты чего молчишь?! – посмотрел на молча лежавшую мать и опять перевел взгляд на Егора.

Глаза его сверкнули злыми искрами:

– Все обшарил?

80 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

Егор вынул из кармана деньги, положил на стол.

Майор шагнул вперед и занес руку для удара.

– Стой, Сергей, – сказала старуха громко и твердо. В ее слабом теле хранилась еще сила душевная.

– Ты что, мать?! – сын остановился, глядя на нее недоуменно.

– Иди, парень, иди, – сказала старуха Егору.

Егор стоял не двигаясь.

– А ты, Сергей, сядь. Ты думаешь, ты – закон, а ведь ты – не закон. Для каждого свой суд будет, на небе. А здесь нечего самоуправством заниматься. – Голос ее стал тихим, но она продолжала: – Он, может, лучше тебя. Твои делишки тоже темные.

Сын хотел что-то возразить, но, промолчав, сел в кресло.

– А что, не темные? – опередила она его. – Откуда у тебя столько денег?

Сын молчал.

– Вот то-то. Иди парень, бог с тобой.

Егор сделал несколько шагов. Сын старухи сидел, обхватив голову руками. Егор оглянулся на старуху – она лежала, закрыв глаза.

Кольцо сжалось до предела. Он почувствовал прилив настоящей боли. Захотелось плакать. И, действительно, одна слезина тяжело выбилась из угла глаза и обожгла щеку. Такого унижения он никогда еще не испытывал. «Чертova старуха», – с досадой, но и с уважением думал он и глотал унижение, как глотают с голоду горячую, только с огня, пищу – давясь и обжигаясь.

КОГДА Я РАЗГОВАРИВАЛ С АНГЕЛАМИ

Воспоминания детства. Самые ранние, самые первые. Короткие отрывки. Полуявь-полусон.

Было это на самом деле или показалось-привиделось?

Помню, лежу я в колыбели – довольно грубо сколоченной по-деревенски из толстых досок кровати, подвязанной толстыми веревками к потолочному крюку. И что-то мне так неуютно, тесно. Так мне хочется вылезти, поползть по полу. Или еще лучше, добраться до улицы, и там увидеть все, из чего состоит наш земной мир: и небо, и солнце. И корову, конечно, которая дает молоко, которым меня кормят. И поросенка, который роет в своем загоне пяточком землю, и хрюкает этак задорно и весело. И кур, которые суют свой клюв везде, куда и не положено, и роются в земле, выискивая червячков...

Мы приехали в деревню – я и мама. Это ее родина, здесь она родилась. А теперь привезла и меня, не так давно родившегося, показать бабушке – ее маме, и другим родственникам.

На дворе – лето. И в избе светло. Через окна вовсю пробивается яркий солнечный свет. И хотя мне полагается спать в это послеобеденное время, мне вовсе не спится.

На потолке, от чего-то отражаясь, дрожит солнечный зай-

чик – яркое бесформенное пятно. Я пытаюсь встать, дотянуться до него, схватить его руками, но тело мое не слушается меня, потому что я еще очень маленький.

Потом надо мной стала с жужжанием кружить муха, норовя усестись прямо на нос, и мне приходится отбиваться от нее. Я даже пытаюсь схватить ее. Но, ку-

82 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

да там. Она так быстра, а движения моих рук так медленны, что попытки мои абсолютно тщетны.

В комнату вошла мама, красивая такая и добрая, и, посмотрев на меня, сказала:

– Не спит наш Сенечка. Не спит наш мальчик. И что же это такое. Муха ему мешает. Ах, она, нехорошая.

– Сашка! Вовка! – крикнула она, подойдя к окну, и скоро в комнату ввалились два мальчугана, пихая друг друга в бок кулаками, – хулиганы и непоседы, как я уже заметил. И я завидую им. У них уже выросли и ноги, и руки. Они могут бегать, где захотят. И вообще, что хотят, то и делают: бегают на речку купаться или носятся друг за другом, как угорелые; а иногда ничего не делают – сидят на лавке и дразнят или щиплют друг дружку.

– Ну-ка, идите сюда, – говорит им мама. – Стойте

здесь и отгоняйте от Сенечки мух. Они ему спать не дают. И не шумите, – мама погрозила им пальцем. – А мне некогда, мне нужно огород полоть.

Сашка и Вовка – это ее младшие братья и, следовательно, мои дядьки.

Когда мама уходит, Сашка и Вовка склоняют надо мной свои озорные физиономии, и так долго рассматривают меня.

– Какой малявка! – говорит один из них. – Думаешь, он нас видит?

Сашка проводит несколько раз ладонью перед моим лицом и радостно сообщает:

– Видит... Вишь, как зенки лупит.

– Глазастый! – удивляется Вовка.

– А язык у него есть? – спрашивает Сашка и тянет ко мне руку, как будто хочет посмотреть, есть ли у меня язык.

– Смотри – укусит.

– Не укусит. У него и зубов-то еще небось нет.

Когда я разговаривал с... 83

– Гав! – гавкает, изображая собаку Вовка, и щип-лет Сашку за бок так, что тот подсакивает испуганно, отдергивая руку, и отвечает Вовке «леща» – звонко-го, хлесткого подзатыльника.

После некоторой обоюдоострой потасовки они начинают гоняться за мухой, которая все так и вьется надо мной. Сашка с Вовкой бьют ее: один – полотенцем, другой – свернутой газетой. Но прихлопнуть муху им никак не удастся. Она спасается на потолке. Один из них притащил швабру, и тут уж мухе стало жарковато: один сгоняет ее с потолка, другой жучит ее полотенцем, когда она садится на стену или еще на что-нибудь из комнатной мебели.

Наконец с мухой покончено, и они утомляются, тяжело переводя запаленное дыхание. На какое-то время их бьющая через край энергия иссякает. А я засыпаю с некоторой жалостью к мухе: ох и досталось ей перед кончиной. Засыпаю, и тут же душа моя воспаряет над телом. Ведь говорят: дети летают во сне. Конечно, летают. Но не потому, что растут. Нет. Просто душа их еще не привыкла к телу, в которое вселилась, и ей тесно. Она хочет свободы, прежде чем окончательно утвердится в новой своей оболочке.

Вот и моя душа такая же беспокойная: рвется полетать, прежде чем тело мое вырастет и душе моей даже уютно будет в нем.

Мне интересно: что же за место, куда мы приехали. И, воспарив над домом – деревенской рубленой избой, – я осматриваюсь с высоты.

Я вижу деревню. Одна ее улица – на высоком угоре,

– это наша улица, и наш дом на ней – крайний. Другая – спускается под гору и тянется вдоль широкой поймы реки Ваги, чуть видной среди разросшихся береговых кустов. Все это красиво, заманчиво, и мне ужас как хочется полететь на реку. Но что-то все же не дает мне этого сделать. Куда-то тянет меня. Как будто зовет кто-

84 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

то и манит. И тут я понимаю – и куда зовет, и куда манит. Я вижу небольшую церковку на краю улицы. Небольшую, но такую расчудесно красивую. Белую, с колокольней и крестами. И, конечно, оттуда я слышу голоса – этакий протяжный грустный мотив они, эти голоса выводят.

Ну, конечно, это поют ангелы! Благоговейно так, застыли недвижно под куполом, и только крылышки за их спинами чуть колышались, помогая им парить. И такую они мелодию выводят ангельскими своими голосами, что я готов заплакать от умиления.

Мне хочется присоединиться к ним и тоже подтянуть вместе с ними: уж так радостно моей душе, что я с ними повстречался и слышу их чудесное пение. Но они, увидев меня, перестали петь и говорят наперебой, этак нежно, но настойчиво:

– Лети, лети отсюда!

– Нечего тебе здесь делать! Нельзя тебе!

– Лети в свое тело!

Я немножко обиделся.

– Как же, – говорю, – нельзя? Я ведь только немножко послушаю, пока сплю. А послушав и улечу.

Я вам не помешаю.

– Нет уж, лети, пожалуйста, а то нас ругать станут – говорит один из них. – Ты теперь земной и грешный, и тебе с нами и разговаривать даже невозможно.

– Кто же вас, таких хороших, ругать станет? – по-любому пытался я. – Вы же – ангелы.

А они ответили:

– Ну и что же из того, – уже начиная на меня немножко сердиться, – архангелы будут ругать.

«Ах, как нехорошо. Тогда нужно лететь, – подумал я, – чтобы не подвести ангелов. – И уже вылетев наружу, я услышал, как они продолжили свое пение – еще протяжней и умирительней. – Какие они добрые! Какие хорошие! – подумалось мне. – И как поют – на разные

Когда я разговаривал с... 85

голоса. И получается в соединении их голосов нечто удивительное и трогательное. Хочется заплакать и в тоже время весело так засмеяться – от пробудившегося внутри счастья».

Только я отлетел немножко от этого Божьего Храма и тут услышал, что кто-то плачет, тихонько так, как ребенок. И сразу печаль охватила мое сердце. «Кто же это так плачет, когда рядом так поют ангелы?» - вознегодовал я. Огляделся и увидел у вершины березки совсем маленького ангелочка. Это он и плакал, прикрыв глаза ладонями, и даже крылышки за его спиной почти не шевелились, и я испугался, что он вот-вот упадет на землю.

Я подлетел к нему поближе и спросил: чего же он плачет, а не радуется божеской благодати, которая слышится в голосах других ангелов? А он и ответил, услышав мой голос и перестав плакать, что его недавно очень ругали, и что не разрешили ему петь с его братьями-ангелами во Храме.

– За что же тебя ругали? Как же тебя такого можно ругать? – спросил я, и мне очень захотелось его как-нибудь утешить.

Он вытер слезы, которые залили ему все его щечки, и ответил мне, что спас Изотыча, деревенского мужика.

– Что же с ним случилось? – спросил я его.

– А он тонул, и я его вытащил... А нам это делать строго запрещено.

– Как же за это можно ругать? – удивился я. И спросил опять ангела: – Почему же ты его спас, если вам этого делать не полагается?

Ангел всхлипнул и, чуть не разревевшись, ответил:
– А мне его жалко. Он такой несчастный и одинокий.
Я видел, что ему действительно жалко Изотыча. Но
как ему помочь я не ведал, ведь я не знал, как живут
ангелы, не знал их образа жизни и никогда не разгова-

86 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

ривал с ними до этого. И так мне стало его жалко: он
такой маленький, а помогает людям.

– Как же это было? Расскажи! – попросил я его, так
как мне было все очень-очень любопытно из жизни ан-
гелов.

Ангел немножко успокоился, слезы на его глазах
высохли, и он стал, не спеша, рассказывать, стараясь
припомнить все достоверно.

– Лечу я себе на речку. Я всегда люблю на речку
полететь, когда мы окончим с братьями нашу спевку.
Прилетел и на бережку устроился, и гляжу, как вода в
речке течет. Опять, очень я люблю глядеть, как вода в
речке нашей течет. И тут услышал: песню кто-то поет.
Этак жалобно выводит, как-будто ему вот-вот умереть
суждено, и напоследок он и хочет себя этой песней
утешить и подбодрить. И вижу, что это – Изотыч. Это
он вдоль берега идет и поет, и качается. Вот-вот, думаю,
качнет его в сторону посильней и свалится он в

речку, и больше я не услышу его хорошей песни никогда, ведь люди смертны, – вы-то, наверно, еще этого не знаете? – обратился он ко мне, прервав на секунду свой рассказ.

– И что же дальше? – спросил я его, уж больно мне любопытно стало, как же все дальше случилось.

– А все так и сделалось, как я подумал. Качнуло его в сторону, – он и полетел в речку с обрыва. Там, как раз, высокий обрыв у речки образовался от подмыва. И все это от вина, – заключил ангел с мягким негодованием

(я уже заметил, что ангелы не могут злиться и очень сильно высказывать свое недовольство. А могут только мягко пожуричь кого-то, кто делает что-то неправильно). Любит Изотыч вино попить, а от этого все беды в его неудавшейся жизни. Но я его за это не осуждаю. Потому что он несчастный, и у него никого на всем белом свете нет: ни семьи, ни детей Бог не дал. И некуда ему свою несчастную головку приклонить.

Когда я разговаривал с... 87

«Ах, какой хороший, – опять подумал я об ангеле. – Какой он жалостливый к мужику Изотычу», – и опять поторопил ангела с рассказом.

– Ну, вижу, бултыхается он, бултыхается в воде, а выбраться не может, – продолжил ангел. – И сил у него

никаких уже нет. И что вот-вот он потопнет – окончит свою земную жизнь, и я больше не услышу его пения: ведь я часто слушаю, как он поет; и так я его за это да-же полюбил, что и сказать не могу. И знаю, что нельзя такого делать, раз ему на роду так написано, а не могу допустить, чтобы тело его под водой изгнило, и батюшка над его грешным телом службы упокойной не справил, чтобы на том свете ему легче жилось. Подлетел я, схватил его за ворот рубахи да вытащил на берег. – Как же ты смог его такого большого такой маленький за шиворот вытащить? – восхитился я.

– Что же из того, – как будто о чем-то обыкновенном спокойно ответил ангел. – Все с божьей помощью можно сделать; и даже не такое.

Пока мы разговаривали на небе появилась большая темная туча. Она наползла на солнце, и на землю наползла тень от нее. Вот-вот, так показалось, должен был начаться дождь.

Но все обошлось. Туча отодвинулась. С другого края ее опять выглянуло солнце. И снова, как прежде, все на земле осветилось его теплыми лучами. Ангелочек успокоился. Слезы его высохли совсем.

– Можно ли мне увидеть Изотыча, которого ты спас? Я тоже хочу послушать, как он поет, – спросил я у ангела.

– Конечно, – ответил ангел. – Только, если он во

здравии и в настроении, и если не спит или с кем-нибудь не ругается.

Я немножко опешил: вдруг он и на нас станет ругаться?
– Что же он, часто ругается?

88 *Алексей ДЬЯЧКОВ*

– Это когда он винца не выпьет, когда очень хочется. А так он добрый. Выпьет винца и сразу на него умиротворение находит. И тут он начинает песню петь. И все время одну и ту же. Он других и не знает. Но и эту, сколько ни пел, а я никак наслушаться не могу – такой у него голос чудесный.

И тогда я поторопил ангела:

– Давай скорей полетим.

И мы полетели.

Нашли мы его не сразу. Но нашли. И точно, было видно, он с кем-то ругался, потому что лицо его было недовольное. Он шел по дороге из магазина и часто оборачивался и махал кому-то кулаком.

– У, цыганская рожа, попомнишь. Золота много, а совести нету...

– Кому это он? – спросил я у ангела.

– А, это он Истомину, богатому мужику. Тот золото копит, а совести – правда нет. Он черный весь, как цыган. А Изотыч скоро перестал и оборачиваться и махать

кулаком и, правда, как и говорил ангел, запел песню. И не запел даже, а затянул протяжно, и голос у него оказался очень расчудесный. И все время, пока он шел, покачиваясь, и пел, мы летели за ним и даже не разговаривали, потому что невозможно было и отвлечься от такого пения.

«Вот ведь, и не только ангелы могут так чудесно петь, а и люди», – возрадовался я, уж очень мне понравилась его песня. И стало его жалко, потому что и тос-ка, и печаль были в его голосе.

– Ну, лети, – сказал мне ангел, когда Изотыч закончил петь песню, присел на лавку у стены первой же избы и уснул. – Нельзя тебе надолго отлучаться от тела.

И мы попрощались, как старые друзья.

Прилетел я в свое тело и тут же проснулся.

Когда я разговаривал с... 89

Вот же, думаю, как хорошо я полетал. И душа моя успокоилась. Я пошевелил руками и ногами, которые совсем еще были маленькими, скинул с себя одеяльце. И так мне захотелось молока, что хоть кричи. И я закричал, что есть мочи: – А-а-а-а! – Что означало: «Молока!» – Ведь говорить-то я еще не умею. Сашка с Вовкой проснулись (они тоже, оказывает-

ся, уснули на диване, что стоял рядом с моей кроват-кой). Сашка схватил бутылку с молоком и сунул мне в рот надетую на ее горлышко соску.

– Во, дает! – удивленно сказал Вовка, глядя, как я присосался к молоку.

– Проголодался, – авторитетно заявил Сашка.

И потом они стали оба молча смотреть на меня. А я сосал молоко и тоже смотрел на них. И мне подумалось: когда-нибудь, когда я вырасту, я расскажу им, как смешно они ловили муху и как кормили меня молоком – вот они удивятся...

Потом, много лет спустя, я часто приезжал в деревню. Дядьки мои стали уже взрослыми здоровыми мужчинами. Это уже не те пацаны, что глядели на меня в люльке и удивлялись что я такой маленький. Они переехали в город Вельск, женились, нарожали по куче детишек, которые все приходятся мне двоюродными братьями и сестрами. И всегда, когда я приезжаю, дядья со смехом вспоминают «какой я был малявкой», и как они отгоняли от меня мух, когда я спал. И, кажется, я и сам что-то такое припоминаю.

Каждый раз, приезжая, я хожу к церкви. Она заброшена и пуста. Остались лишь решетки на окнах.

Вся она утопает в буйно разросшейся у ее стен растительности. И все же... все же стены ее сохранили бы-лую

торжественность, и видно ее, по-прежнему, издалека. Отпечаток намоленной святости хранится внутри нее.

90 Алексей ДЬЯЧКОВ

Сквозь проломленную решетку в окне я залезаю внутрь и долго стою не двигаясь, задрав голову кверху, всматриваясь под своды купола. Я хочу увидеть ангелов, но не вижу их. Почему-то взрослые теряют эту способность. Тогда я начинаю прислушиваться: не услышу ли я их голосов? Прислушиваюсь так долго, до звона в ушах. И опять моя попытка бесплодна, – я ничего не слышу. И так мне становится тоскливо. Так мне жаль, что душа моя не может уже воспарить и увидеть их. И хочется воскликнуть: «Где вы, ангелы?! Отзовитесь! Помните, вы со мной разговаривали?!» Нет ответа. Нет ответа. Нет ответа...

Зато их пение до сих пор звучит в моей душе. И каждый раз, вспоминая, как я во младенчестве слышал ангелов, душа моя успокаивается, и такое умиротворение изливается на нее, что хоть плачь. Никогда больше я не был так счастлив, как тогда, когда мог летать и слышать пение ангелов. С каждым годом счастье это убывало и убывало, пока, наконец, совсем не испарилось, не исчезло куда-то. Конечно, были потом и земные радости,

и даже часы счастья, но то были уже совсем другие радости и другое счастье.

Но и теперь меня всегда тянет зайти в храм (любой, где бы я ни был) в надежде услышать ангелов. Ведь я знаю – они есть. Просто я утратил способность видеть и слышать их...

Вот и теперь, оказавшись в деревне, зайдя в церковь и выйдя из нее, я пошел на речку. Вода манит меня – что-то есть в ее течении загадочное, наверно потому, что оно никогда не иссякает: текущая в ней вода берется неведомо откуда и убегает вдаль невидимую тебе и оттого опять же загадочную.

На речке – название ее Вага – я выбрал место у высокого обрывистого берега. Присел на траву, уже пожухлую, почти сухую.

Когда я разговаривал с... 91

Был конец августа. Дни стояли еще теплые, солнечные. Лишь изредка набегало на солнечный диск небольшое облачко. Где-то в траве, запоздалый, стреко-тал задорно кузнечик, единственный кто нарушал природную эту тишину. Невдалеке сидел с удочкой рыбак.

Я стал смотреть то на бегущую в неторопливом течении воду, то изредка бросал взгляд на рыбацкий попла-

вок, угнездившийся в небольшой омутной заводи. Время от времени я слышал, как рыбак вздыхал громко, видел, как он пошевеливал затекшими ногами, переменяя позу, – у него не клевало. Иногда он выговаривал недовольно какие-то слова, видимо досадуя на недвижно торчащий из воды поплавок, и коротко взглядывал на меня.

– Не клюет? – спросил я, чтобы по ответу рыбака понять: быть может, я мешаю ему, ведь рыбаки – люди суеверные. И, быть может, мне стоит уйти.

Но рыбак охотно откликнулся:

– Не берет ни шиша. Рыба, а то же, с умом – на крючок просто так не сядет.

Он усмехнулся, тяжело поднялся и подошел ко мне – попросил папироску. Это был пожилой мужчина с обветренным бронзово-загорелым лицом, в кепке, небрежно накинутой на вихрастую голову, в старом поношенном пиджаке и в таких же поношенных, сильно растоптанных кирзовых сапогах.

Когда, прикурив, возвращался обратно, то стал напевать песню, которая показалась мне знакомой. Не знаю уж, почему и как, но я почему-то был уверен, что когда-то ее уже слышал.

Я подошел к нему и спросил: что это за песня, и откуда он ее знает?

– А-а, – протянул мужик, – жил у нас в деревне

Изотыч. Вы-то, наверно, не местный, да и не могли бы помнить, — он окинул меня взглядом с ног до головы. — Молодой еще... Так вот, жил у нас в деревне Изотыч —

92 Алексей ДЬЯЧКОВ

пьяница и шатун, одинокий, словом, и негодящий человек. Все вот он эту песню любил петь. Идет по деревне, бывало, выпимши и поет. Затягивает этак жалобно, что и до нутра пробирает. Так у него хорошо

получалось, и голос был — дай Бог...

Раз пять тонул по пьяному делу — и все ему нипочем! Его даже непотопляемым прозвали. Как будто, скажи, его кто спасал. Он сам даже говорил: меня ангелы берегут.

Поплавок дернул под воду, и мужичок изо всех сил хлестнул удилищем вверх. Но поклевка была холостой.

Он поправил червя, опять бросил снасть.

— А потом все же потоп, — продолжил он свой рассказ. — Свалился в речку с моста весной, в самое поло-водье. Тут уж никто его не успел вытягнуть.

Он немного помолчал, будто вспоминал то, о чем рассказывал.

— А песню я вот иной раз пою. Не знаю даже — отчего. Как будто мне ее кто-то на ухо нашептывает. Может, это Изотыча душа кружит надо мной, да просит спеть? А? Как ты думаешь?

Я промолчал, потрясенный рассказом

– Ну, ладно, – мужичок поднялся, смотал удочку и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.